

Лана Синявская

Обитель Джека Потрошителя

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182657
Обитель Джека Потрошителя: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30609-1*

Аннотация

Разве думала милая девушка Агнешка, что ее тихая жизнь внезапно взорвется – вокруг начнут происходить странные события, страшные кровавые убийства? А все из-за древнего бронзового зеркала, неведомо как попавшего в дом ее подруги Наташи. Происходят зверские убийства – зарезана Наташина родственница, вслед за ней юная балерина... Бронзовое зеркало так или иначе оказывалось причастным к этому. Поиски истины привели Агнешку и Наташу в психиатрическую клинику, где когда-то содержался человек, в которого вселилась душа... Джека Потрошителя! Неужели переселение душ все-таки возможно – и душ самых черных, отягченных грехом ужасных убийств?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лана Синявская

Обитель Джека Потрошителя

Глава 1

«Вот и еще один день оказался напрасной тратой макияжа», – подумала я, разглядывая унылую девицу с кислой физиономией, которая тарасила на меня из зеркала разнесчастные глаза, обведенные черным контуром по всем правилам. Девица взмахнула нагуталинеными ресницами и скривила губы, явно собираясь удариться в рев. Только этого не хватало, потекший макияж – вот достойное завершение на редкость отвратительного дня. А ведь с утра казалось, что у меня началась-таки новая жизнь. Ага, с такой-то рожей... Держи карман шире...

Кто бы знал, как я ненавижу свои коричневые, торчащие каждый во что горазд волосы, которые невозможно уложить в нормальную прическу даже с помощью суперклея! А еще – свой маленький рост, из-за которого никто не воспринимает меня всерьез. И пухлые, как у младенца, щеки, такие, что каждый норовит снисходительно меня по ним потрепать. А ведь мне уже исполнилось двадцать пять! Все сроки для превращения гадкого утенка в прекрасного лебедя давно миновали.

Впрочем, зря я грешу на свою внешность, вовсе я не урод, многие даже находят меня привлекательной. Они называют меня «милашкой». Тьфу, даже вспоминать противно. Ну как можно почувствовать себя красивой, слыша подобное обращение?

Я хмуро глянула на свое отражение из-под густой, доходящей до самых бровей, челки. Наверное, пора избавиться от нее, ведь я ношу челку с первого класса, и все, разумеется, твердят, что это «очень мило». А мне осточертело быть милашкой, хочу быть модной и стильной! Я подхватила челку ладонью и плотно прижала ее к голове. Теперь из зеркала на меня глядело совершенно чужое существо, похожее на испуганного ежика, которого с неизвестной целью побрили наголо. «М-да... горбатого могила исправит», – вздохнула я, оставив в покое челку. Может, постричься? А что, сделаю модную стрижку, вставлю в уши большие серьги, такие круглые, как у цыганок... Тут я вспомнила, что у меня в ушах нет дырок, и запечалилась. Глупости это все. Единственное, что мне по-настоящему надо – так это подрасти сантиметров на десять, а еще лучше – на пятнадцать. Вот тогда все само собой придет в норму. Никто больше не посмеет потрепать меня по щеке и сказать, что я похожа на маленькую фею.

Мои зеленые глаза по-кошачьи сверкнули, и я сразу похорошела, отчего на душе стало немного легче. Глаза у меня и вправду ничего.

Чтобы умыться, я открыла кран, но не рассчитала, повернув ручку слишком сильно. Тугая струя брызнула на меня, мгновенно намочив белую шелковую блузку. Ну все одно к одному! И я раздраженно топнула ногой, обутой в домашнюю тапочку. А, ладно, блузку все равно надо постирать. Стянув мокрую тряпку с плеч, я швырнула ее в таз для белья и поежилась.

Холодно, однако! Зима в этом году на редкость морозная, и в квартире, естественно, настоящий холодильник. Но тащиться в комнату за халатом было лень, и я решила побыстрее покончить с умыванием, стараясь не обращать внимания на покрывшиеся гусиной кожей плечи и руки. Умылась я быстро, водой и мылом, после чего с удовольствием вытерлась махровым полотенцем.

Конечно, я в курсе, что макияж следует снимать молочком, которое специально для этой цели предназначено, но, чтобы соблюдать правила, неплохо бы это молочко иметь. А

чтобы его иметь, нужны деньги. Цепочка замкнулась. Денег у меня не было. Они могли бы появиться, если бы я не сваляла сегодня такого дурака. Снова вспомнив о неудаче, я едва не разревелась. Нет, не буду травить себе душу. Моя подруга Наташка говорит, что с бедой нужно ночь переспать. Вот и подумаю обо всем завтра с утра. Хотя тоже не лучший выход – как-никак завтра праздник, Рождество.

Закончив с водными процедурами, я поплелась в комнату, которая служила для меня и спальней, и гостиной, и всем остальным по мере надобности, так как присутствовала в моей квартире в единственном экземпляре. Кроме нее, имелись только прихожая, совмещенный санузел и кухня размером со спичечный коробок. Невелико богатство, но я радовалась и такой жилплощади. Главное, что она была отдельной, то есть свободной от соседей и родителей. Последних у меня был некомплект – имелись только папа и бабушка, мама умерла, когда мне только исполнилось шесть лет. Отец так никогда больше и не женился, вместе с бабулей они «ставили меня на ноги», причем с таким усердием, что я, как только представилась возможность, сбежала из-под их опеки, пытаясь начать самостоятельную жизнь. Правда, оказалось, что она, самостоятельная жизнь то есть, не так уж проста, но гордость не позволяла мне послать родным сигнал SOS. По крайней мере – пока, хотя сейчас такая мысль уже не казалась мне очень уж нелепой.

Выбрав на полке кассету с любимым фильмом, я вставила ее в видеоплеер и забралась с ногами в потрепанное кресло, продолжая вертеть в руках картонную коробочку. Как обычно, звуки веселой, задорной песенки из старого фильма «Девчата» вызвали на моем лице улыбку. Я его видела, наверное, раз двести, но мне не надоедало смотреть вновь и вновь. Может быть, потому, что Тося Кислицына – просто вылитая я, только образца шестидесятых. Как она ловко прибрала к рукам этого дуболома, то есть лесоруба! Жаль, что у меня так никогда не получится, хоть в тайгу меня отправляй, хоть на Гавайи. Наверное, я совсем несовременная, потому что мечтаю не о деньгах, нарядах и виллах, а о настоящей любви, от которой дрожат колени и дух захватывает, о семье, которая была у нас, пока с мамой не случилось несчастье. О такой семье, где родители любят друг друга и своих детей, а не шарятся по углам с сомнительными любовниками и любовницами, соревнуясь друг с другом в том, кто кому наставит рога быстрее и ветвистее. Меня тошнило от модного нынче слова «секс», потому что то, что оно обозначает, напрочь затмило мозги окружающим, прочно позабывшим о человеческих чувствах, которые они заменили «простыми движеньями». Что-то я начала рассуждать, как замшелая бабулька на лавочке... Я одернула себя и постаралась отвлечься от дидактических мыслей, уставившись в экран телевизора.

Где-то с полчаса я с удовольствием наблюдала за приключениями обаятельной поварихи с косичками, но постепенно мысли о сегодняшнем фиаско противным червяком снова просочились в мои мозги. Дело в том, что я с треском вылетела с исключительно перспективного места, проработав там рекордное количество времени – один день.

Поначалу должность продавца в «Акосе», крупнейшем автосалоне нашего города, показалась мне настоящим подарком судьбы. Да так оно, в сущности, и было. Огромный зал со стеклянными стенами, заставленный дорогущими блестящими иномарками, по которому прохаживаются солидные клиенты. Причем прохаживаются не взмыленной толпой, а по одному, в крайнем случае – попарно. При этом все, что от меня требовалось, – это улыбаться, говорить с клиентами вежливо, не раздражаться от их глупых вопросов и чрезмерной привередливости. То есть делать все, чтобы клиент отбыл из салона не на своих двоих, а на новой машине. Зарплата за эту непыльную работу полагалась такая, что все мои подруги единогласно решили: мне крупно повезло. И в самом деле повезло. В подобных заведениях по старой традиции работают исключительно длинноногие русалки из несостоявшихся фотомоделей, красивые и неприступные, так что у меня с моим ростом шансов вроде бы не было. Но, по счастью, именно в тот момент, когда я возникла на пороге отдела кадров, хозяина

салона, начитавшегося зарубежных учебников по маркетингу, посетила прогрессивная идея набрать продавщиц совсем другого экстерьера – таких, что вызовут у клиента доверие своим скромным видом. Дескать, длинноногие красотки пугают мужчин, смущая их и вызывая комплекс неполноценности. Таким образом у меня и появился шанс украсить собой престижный салон по продаже иномарок. В качестве эксперимента, так сказать. Жаль только, что, торопясь воплотить идею в жизнь, мне позабыли рассказать, как отличать одну марку машины от другой.

К обеду своего первого рабочего дня я успела сосватать целых две машины – не самые дорогие, но и не самые бросовые. Успех вдохновил меня, и я чувствовала себя на седьмом небе от гордости, когда в салон вошло лицо откровенно кавказской национальности в кашемировом пальто угольно-черного цвета и белом шелковом шарфе. Коверкая русский язык, лицо, сверкнув зубами, произнесло:

– Дэушка, я пассат хачу.

Я слегка обалдела от такой непосредственности и растерянно захлопала глазами. Мне и в голову не пришло, что славный горец, один вид которого нагнал на меня страху, требует «Фольксваген Пассат», поскольку из названия этого автомобиля всего-навсего помнила только первую часть.

– Ч-что вы хотите? – начав заикаться, спросила я.

– Пассат хачу. Сичас, – непреклонно отрубил он, похлопав себя спереди по карману штанов.

Наверное, он намекал, что хочет заплатить наличными, но я поняла его жест превратно, решив: человеку так невтерпеж, что еще немного – и он справит свою нужду прямо посреди салона.

С трудом удерживая на лице голливудский оскал, я пролепетала, пытаюсь придать голосу недостающую твердость:

– Здесь нельзя!

– Пачэму нэлзя, а? – широко улыбнулось дитя гор, став похожим на голодного крокодила. – Здэсь нэт?

– Нэт! – заорала я радостно. – То есть нет! Вам туда! – замахала я рукой в сторону двери с большими золочеными буквами WC.

Ну кто же знал, что радиатор этого растреклятого «Фольксвагена» украшает точно такая же буква W, как на нашем туалете? Увидев ее, кавказец неторопливо и с чувством собственного достоинства пошел в указанном направлении. Чувствуя, как по спине ползут капельки пота, я напряженно следила, как он вошел внутрь, оставив дверь открытой.

– Пассат хачу, – донесся до меня его требовательный гортанный голос.

Тетя Маша, сидевшая на входе в заведение, нисколько не смутилась.

– Это можно, – сказала она и быстро назвала стоимость услуги, завышенную, как минимум, раза в два.

– Пачэму так дэшево? – отчего-то удивился кавказец.

Сквозь открытую дверь туалета я отчетливо видела, как маленькие глазки тети Маши сильно увеличились в размерах и сделались похожими на счетчики в такси, в каждом зрачке стремительно, сверху вниз побежали цифры.

– Ой, милок, ошиблась я... Извиняюсь... Двадцать с тебя, – на одном дыхании выпалила она.

– А кандыцыонэр ест? – подозрительно уточнил привереда.

– Чегой-то? – не поняла тетя Маша.

– С кандыцыонэр пассат хачу, – капризно заявило кавказское лицо.

Тетя Маша остолбенела. Я, честно говоря, тоже. На фига ему кондиционер для этих нужд? Ну, туалетная бумага, там, мыло – понятно. Но кондиционер?

Тетя Маша надолго задумалась. Ей, как она потом объяснила, слово «кондиционер» напомнило широко рекламируемый по ТВ шампунь, и она решила, что мужик собирается мыть в туалете голову. Состояние вверенных ей фаянсовых емкостей этому никак не способствовало, и она торопливо забормотала, спеша отделаться от беспокойного клиента подобру-поздорову:

– Ты, милоч, извини, но нету кондиционера. С утра еще был, а сейчас весь закончился...

– Бэз кандыцыонэра нэ хачу! – высокомерно бросил кавказец, резко развернулся и, оставив тетю Машу сожалеть об упущенной выгоде, широким шагом направился в мою сторону.

Я вздрогнула, но, вспомнив об инструкциях, встретила его с видом жизнерадостной идиотки. А клиент явно уже начал закипать, как чайник со спиралью.

– Пассат наконец мне дай! – сердито рявкнул он, игнорируя мою широкую улыбку, которая от такого заявления незаметно покинула место дислокации.

– А вы... разве там... как бы сказать... нет? – промямлила я, затравленно оглядываясь на дверь туалета.

– Там кандыцыонэр нэт, – презрительно скривился клиент, нахмутив широкие брови.

Мда-а... Запах в тети-Машином заведении, конечно, не фонтан, но чтоб так уж сильно мешал... Тем более если товарищу приспичило...

– Вот! – радостно завопил кавказец, тыча смуглым пальцем на что-то, расположенное у меня за спиной.

Я вздрогнула и обернулась.

– «Фальксваген-Пассат» хачу! – обрадованно заворковало лицо с Кавказа, с воодушевлением глядя на одну из машин.

Я почувствовала, что мне становится дурно. Использовать для ЭТОГО такую дорогую машину? Да он рехнулся! Нужно было принимать срочные меры, потому что кавказец уже крутился вокруг автомобиля с явным намерением нырнуть в салон.

– Музыка ест? – обернулся ко мне кавказец с просветленным лицом.

Я машинально кивнула, подумав: «Извращенец, еще и музыка ему понадобилась!»

– Хачу! – сообщил тип и уже взялся было за ручку дверцы.

– Нет! – истошно взвизгнула я и загородила извращенцу дорогу своим телом. А клиент был настроен весьма решительно, но тут, на мое счастье, из подсобки вырулил наш охранник Гоша, парень со всех сторон авторитетный.

– Гоша, на помощь! – заорала я, размахивая руками, как взбесившаяся ветряная мельница.

Гоша выгнул бровь и двинулся в нашу сторону. Когда он подошел, я, встав на цыпочки, быстрым шепотом изложила ему суть дела. Гоша крикнул и грозно посмотрел на кавказца.

– Ты что, мужик, совсем оборзел? – мрачно поинтересовался он, смерив взглядом лицо кавказской национальности, которое по сравнению с Гошиным могучим торсом выглядело уже не так внушительно.

– Мнэ пассат нада, а она нэ дает! – пожаловалось лицо, тыча в меня пальцем.

Я юркнула за спину Гоши и испуганно захлопала глазами.

– Мнэ нада только пассат! – не унимался тип.

– Угу, – почти ласково кивнул Гоша. – Только и делов-то...

Обескураженный кавказец почти не сопротивлялся, когда охранник взял его под локоток и поволок к двери. Он только несколько раз оглянулся на злополучный автомобиль и покорно позволил довести себя почти до самого выхода. И тут Гоша немного расслабился. Тогда юркое дитя гор вероломно воспользовалось моментом и вывернулось, а затем вприпрыжку ринулось к лестнице, ведущей на верхний этаж...

Враки это все, что восточные мужчины любят девушек. Кого-то они, может, и любят, но я определенно к их числу не принадлежу. Мой, например, когда доскакал до начальства, накатал такую жалобу, что я вылетела с работы без суда и следствия меньше чем через час. До сих пор я чувствовала себя несправедливо обиженной, ведь и тетя Маша, и Гоша поняли ситуацию в точности так же, а пострадала одна я. Увы, спорить с начальством бессмысленно, и потому я вновь оказалась без работы, с паршивым настроением и мрачными перспективами встретить Рождество в полном одиночестве.

На экране Тося уже сидела со своим лесорубом на лавочке, доверчиво обсуждая роль носов в поцелуях, а я все еще продолжала жалеть себя, горемычную. Пошли титры. Я решила, что на сегодня жалости к себе, пожалуй, многовато, и отправилась на кухню. Несмотря на поздний час, мне вдруг жутко захотелось выпить кофе. Этот напиток оказывал на меня странное действие: вместо того чтобы лишить сна, он действовал наподобие снотворного. Впрочем, я уже давно подозревала, что при рождении мой организм был укомплектован как-то неправильно.

Глава 2

Кофе я предпочитала растворимый. Варить его по всем правилам я так и не научилась, к тому же не видела особой разницы между гранулами и тертыми кофейными зернами – и то и другое казалось мне горьким и довольно невкусным. Пила я кофе из чистого упрямства. Кофепитие, если судить по кино и книгам, выглядело весьма романтично, вот я и вырабатывала в себе соответствующие привычки, а то вдруг встречу своего принца, подаст он мне утром кофе в постель, а я по привычке скривлюсь от отвращения.

Глубоко вздохнув, я отхлебнула горячую темную жидкость с кисловатым запахом из огромной кружки в красный горошек. Денег у меня было в обрез, так что и кофе, соответственно, был дешевым и особенно отвратительным на вкус. От мысли, что придется выпить всю кружку, меня передернуло, но тут из комнаты донесся спасительный телефонный звонок. Радостно шмякнув кружку на стол, я торопливо направилась к старомодному малиновому аппарату с крутящимся диском, который тренькал простуженным голосом, подрагивая трубкой.

– Алло? – гаркнула я, ухватив трубку и прижимая ее к уху.

– А я уж решила было, что тебя нет дома, – с облегчением прокаркал голос моей подруги Наташки. Вообще-то у нее нормальный голос, даже приятный, но мой аппарат от старости создает невообразимые помехи, превращающие любой голос в карканье голодной стаи ворон. – Ты не слишком занята? – поинтересовалась Наташка, как мне показалось, весьма ехидно.

Я нахмурилась, собираясь обидеться. Наташка в последнее время уделяла мне совсем мало внимания, она даже была не в курсе моей эпопеи с новой работой. А еще лучшая подруга называется!

– Говори, чего звонишь? – сказала я поэтому довольно резко.

Наташка не обиделась, наоборот – рассмеялась. Правда, ее легкий смех преобразовался моим телефоном в скрежет ржавых цепей.

– Послушай, Агнешка, мне до зарезу нужна твоя помощь, – торопливо выдохнула подруга.

– А что, твой жених оставил свой пост? – спросила я с затаенной надеждой в голосе.

– Нет, он-то как раз на месте, – разочаровала меня Наташка, – хотя вся каша заварилась именно по его милости. Но разве я могу отказать любимому человеку в помощи?

– Ты – нет, но при чем тут я? – довольно резонно заметила я. – Или ему тебя одной мало?

– Не остри, колючка. Я серьезно говорю.

– Так и я тоже. Чего надо-то?

– Понимаешь, завтра к нам должны нагрянуть гости, ну, вроде как на праздник...

– Если праздник, то почему меня не зовешь?

– Я зову. Только не праздновать.

– Как всегда... – многозначительно усмехнулась я, перекладывая трубку к другому уху.

– Агнешка! Не обижайся! – взмолилась Наташка. – Я сама не рада, что ввязалась в такое дело, но Юрий говорит, что от расположения этой бабы зависит вся его жизнь...

– Наташка, ты что, спятила? Юрий бредит какой-то бабой, а ты собираешься для нее банкет устраивать? – опешила я. – Мне кажется, твоя самоотдача переходит все границы...

– О господи, ты совсем не то подумала. Эта баба совсем не баба...

– Хм...

– Тьфу, то есть баба, конечно, в смысле женщина, но она его непосредственная начальница. Поняла?

– Ага.

– Юрке обязательно надо с ней подружиться. Он еле уговорил ее заглянуть к нам в гости. А сегодня выяснилось, что она нагрянет не одна, а с целой свитой. Собака такая.

– Большая?

– Кто?

– Ну не собака же. Свита.

– Да не очень. Муж, секретарь и правая рука.

Я поперхнулась.

– Правая? А левой у нее что, нету?

– Ты о чем? – в свою очередь удивилась Наташка. Потом хихикнула. – А! Нет! Я имею в виду Милочку, которую Диана, Юркина начальница, считает своей правой рукой.

– То есть всего три человека? – уточнила я. – Не так уж и много.

– Не все так просто. Им же деликатесы подавай, Диана абы что жрать не станет. Юрка целое меню притащил, у секретарши ее выцыганил. Все пристрастия изложены по пунктам. Мне половина названий вообще ни о чем не говорит. Понятия не имею, что теперь делать?

– Ладно, не трусь. Во сколько надо быть у тебя? – спросила я снисходительно.

– Ой, Агнешка, так ты придешь?

– Куда ж я денусь? Так во сколько?

– Часам к семи успеешь? Утра, я имею в виду...

– Прием во сколько?

– В восемь.

– Тогда в семь может быть поздно. Ладно, полседьмого буду у тебя. Смотри не проспи.

Я положила трубку, не дожидаясь Наташкиных благодарностей. Если бы я стала их слушать, то она закончила бы как раз к утру, а я еще собиралась поспать перед серьезным мероприятием. На самом деле Наташка была очень добрая, но несколько суматошная девица, веселая и компанейская до недавнего времени. Все изменилось, когда в непосредственной близости от нее замаячила цифра «тридцать», которая имела прямое отношение к ее возрасту. Подругу точно подменили. Она вдруг загорелась идеей начать семейную жизнь, чем скорее, тем лучше и принялась лихорадочно оглядываться по сторонам в поисках подходящей кандидатуры.

Поначалу я решила, что эта ее блажь скоро пройдет, но проходило время, а идея только глубже пускала корни, обрастая деталями, как фикус листьями. Наташка выходила каждое утро из дома не просто так, а как Артемида на охоту. Дичи вокруг резвилось множество, но вся она, к сожалению, была какая-то молью траченная и откровенно несимпатичная. Хорошие, здоровые экземпляры уже давно растащили по берлогам другие охотницы, так что Наташке доставались либо женатые, либо совсем уж убогие особи.

Глядя на ее старания, я тоже начала оценивать окружающую мужскую популяцию более критически и в итоге пришла к неутешительному выводу: мельчают мужики! Таких, какие водились в пору маминой юности, практически не осталось. Оставшиеся подразделяются на две категории: либо худосочные юноши с длинными конечностями и туманным взором, либо оплывшие «бизнесмены», которым, несмотря на супердоходы, уже не в силах помочь ни элитные спортклубы, ни калифорнийский загар. Ах да, имеются еще всякие при-меси, которые к делу вообще не относятся, – голубые, например, которые день ото дня мно-жатся, как лабораторные мыши. Долгое время подобные метаморфозы оставались для меня неразрешимой загадкой, но совсем недавно в одном умном журнале я случайно наткнулась на статью, где до сведения обывателей доводились пугающие факты.

Вкратце речь там шла об открытии, сделанном в одной заграничной академии. По мне-нию тамошних ученых, получалось, что небезызвестная хромосома, которая делает муж-чину мужчиной и, естественно, отсутствует у представительниц слабого пола, в послед-

ние годы сильно мутировала, здорово уменьшившись в размерах, и грозила в ближайшем будущем вообще исчезнуть к чертям собачьим! Правда, автор статьи уверял, что природа не пустит это безобразие на самотек и что-нибудь придумает. А вдруг нет? Вдруг хромо-сома исчезнет до того, как я найду своего единственного и неповторимого? И где прикажете искать мужа, если вдруг возникнет такая надобность?

Что касается Наташки, то она, представьте себе, нашла. Не мужа, правда, жениха пока еще, но отношения у них развиваются полным ходом и в нужном направлении. Юра оказался редким исключением из общего правила: он практически не имел недостатков, если не обращать внимания на его кретинский оптимизм и напористость, которую ничто не могло остановить, даже кирпич с крыши на голову. Юрик был простым парнем, но не лишенным романтики. К сожалению, романтика у него была тоже простая: понравилась девушка – на плечо и в пещеру, не понравился мужик – в пятак и за борт. Цветы он, правда, носил, но только в больницы и на кладбища. Но Наташке он нравился таким, какой есть, и все шло к тому, что скоро я лишусь своей лучшей подруги навсегда. Теперь, когда я видела его улыбающуюся физиономию на пороге ее квартиры, то сразу вспоминала об этом, и мне приходилось отчаянно бороться с желанием быстро и болезненно его прикончить. Но Наташка была с ним счастлива, а счастье лучшей подруги для меня – дело святое. Приходилось стискивать зубы и терпеть. Вот и сейчас я вынуждена тащиться на другой конец города только для того, чтобы помочь Наташке ублажить Юрикову начальницу.

С этими невеселыми мыслями я отошла ко сну, а утром едва не проспала.

Когда без четверти семь я ворвалась в квартиру Наташки, работа там уже шла полным ходом. До визита гостей оставалось почти двенадцать часов, а на плите, на всех четырех конфорках, что-то булькало, шипело и шкворчало, распространяя по кухне аромат вареных овощей и жареного лука. Сама Наташка с заспанными глазами и всклокоченной головой торчала возле раковины.

Внешность у Наташки выдающаяся. Словно ребенок надумал вылепить из пластилина сказочную красавицу и сделал это как сумел. Всего в ее лице было слегка в избытке. Невероятно густые черные ресницы и такие же брови, сросшиеся на переносице. Крупный яркий рот, но, по ее собственному мнению, слишком крупный и чересчур подвижный. Шапка густых волос медно-красного цвета, о которых можно только мечтать, но слишком своевольных и жестких, чтобы уложить их в прическу сложнее конского хвоста. Нос... в общем, нос свой Наталья особенно не любила и даже грозилась отрезать его к чертовой матери. На самом деле Наталья выглядела привлекательно, просто несколько своеобразно, хотя собственное несовершенство было ее любимой темой для разговоров.

– Присоединяйся, – скомандовала Наташка вместо приветствия.

И я послушно отправилась в ванную мыть руки, догадываясь, что работенка предстоит не из легких.

В новой квартире Наташки было легко заблудиться. Подозреваю, что она и сама еще плохо ориентировалась среди многочисленных коридоров, комнат и кладовок. Квартира располагалась в доме, построенном при царе Горохе, принадлежавшем раньше то ли купцу, то ли промышленнику, а после превратившемся в загаженную коммуналку. Таких домов в городе осталось – по пальцам перечесть. Раньше их, конечно, было больше, но программа реконструкции ветхого жилья сделала свое дело, и двух- и трехэтажные особнячки пошли под снос. Этот устоял. Более того, постепенно превратился в подобие элитного жилого фонда. Большинство квартир было раскуплено состоятельными господами, желающими жить в подлинном купеческом доме, расположенном в экологически чистом месте, среди уютных зарослей сирени и жасмина.

Наташке просто повезло. Пятикомнатные хоромы достались ей, можно сказать, на халяву благодаря дальновидности дедушки, который еще до всей жилищной шумихи, лет

восемь назад, подсутился и потихоньку помог своим соседям расселиться в скромные, но отдельные квартирki. Соседями в большинстве своем были алкаши со стажем, им было абсолютно до лампочки, где квасить горькую, зато Наташкины дед с бабкой остались в конце концов на огромной жилплощади совершенно одни, успев оформить все необходимые документы. После заселения в прочие квартиры нуворишей особнячок преобразился: его отчистили снаружи и изнутри, навели лоск на лестничных клетках и установили железную дверь с домофоном. Жаль, что дед с бабкой этого уже не увидели. Год назад, один за другим, они отправились в мир иной, завещав свои хоромы единственной, горячо любимой внучке – Наташке.

Ни обставить, ни отремонтировать огромную квартиру Наташкины благодетели не успели. Все свои сбережения они потратили на самую операцию по расселению, а новых скопить было неоткуда, так что сейчас квартира находилась в полужилом состоянии: три комнаты, кухня, коридор и ванная сияли новеньким евроремонтом, а две оставшиеся комнаты вид имели плачевный, а потому и стояли попросту закрытыми.

В ванной я едва не споткнулась о Наташкиного любимца – кота Баську. Черно-белый лентяй с родинкой на розовом носу, раскормленный до неприличия, даже не пошевелился, когда я занесла над ним ногу, входя в темное помещение. В самый последний момент он коротко мякнул, чтобы предотвратить катастрофу, но этим дело и ограничилось, хвостатый фаталист предоставил мне выпутываться из ситуации самостоятельно. С трудом сохранив равновесие, я чертыхнулась и перешагнула через распластанную на кафеле с подогревом тушку.

– Засранец! – беззлобно ругнулась я, с опозданием шелкнув выключателем. – Вот возьму в следующий раз и нарочно отдавлю тебе твой длинный хвост. Будешь знать!

Вышеозначенный хвост описал на полу ленивую дугу, но сам Баська и ухом не повел, как будто я и не к нему вовсе обращалась. Хитрец отлично знал, что ни один из двуногих обитателей квартиры, включая многочисленных гостей, не причинит ему вреда.

Продолжая ворчать на кота, я вымыла руки и отправилась обратно в кухню, откуда уже слышались нетерпеливые возгласы хозяйки. Баська неожиданно поднялся с места и потрусил следом за мной, путаясь под ногами. Его внезапная солидарность объяснялась просто: Наташка только что извлекла из холодильника кальмары и теперь задумчиво разглядывала бело-розовые смерзшиеся тушки, лежащие перед ней на столе.

– В чем проблема? – спросила я, останавливаясь рядом с ней.

– Да вот, пытаюсь вспомнить, надо их размораживать перед варкой или и так сойдет? – поделилась она своей проблемой.

– Надо, – заявила я категоричным тоном. В кулинарных делах у меня в этом доме непрекаемый авторитет.

– Эх, черт, надо было еще вчера их вытащить, – вздохнула Наташка.

– А зачем ты вообще их готовить собираешься? Ты же, насколько я знаю, никогда с ними дела не имела. Готовые салатки из супермаркета не в счет.

– Это точно. – Грустный вздох подруги больно отозвался в моем сердце. – Но морской коктейль – любимое блюдо Дианы.

– Губа у дамочки не дура, – хмыкнула я. – Не трусь – коктейль этот готовится на счет «раз». Успеем. Но туда еще нужны креветки и маринованные огурцы. Есть у тебя?

– Есть! – радостно закивала Наташка и полезла в морозилку за креветками. – Куда их? В кипяток?

– Ни в коем случае! – воскликнула я, едва взглянув на упаковку. – Только оттаить до комнатной температуры.

– Их что, сырыми едят? – ужаснулась подруга.

– Сырые – это зеленые. А эти, видишь, розовые. Значит, их уже сварили, ясно?

– Никогда не видела зеленые креветки, – продолжала сомневаться Наташка.

– Потому что ты их до сегодняшнего дня видела только в ресторане или у меня в гостях, – хихикнула я. – В обоих случаях они были уже приготовлены.

От наших разговоров Баська заскучал. Ему было все равно, в каком виде поглощать изумительно пахнущие морепродукты. Чтобы быть поближе к лакомству и заявить о своих желаниях, он легко запрыгнул на стол и требовательно мяукнул. Однако на сей раз хозяйка была настроена решительно и безжалостно согнала Баську со стола полотенцем.

Список блюд, добытый Юрием, на самом деле не представлял собой ничего экзотического. В него входили деликатесы, которые назывались сложнее, чем готовились. Времени, которое оставалось до приема, должно было хватить с лихвой.

Часика через три мы с Натальей сделали перерыв, чтобы попить чайку. В холодильнике уже пропитывались майонезом парочка салатиков, на большом круглом блюде румяной горкой высились заварные булочки – основа для птифуров, ожидающие, когда их полые брюшки набьют вкуснейшей начинкой из сыра, чесночка и вареных яиц. Вкусно пахло жареными грибочками, которыми мы намеревались нафаршировать упитанного курчонка. Нам с подругой среди всего этого изобилия пришлось довольствоваться бутербродами, что меня лично вполне устраивало.

Наташка, подогнув по привычке одну ногу под себя, восседала на табуретке, прилепившая крепкий чай. Выражение затравленности на ее лице почти исчезло. Она уже не так сильно боялась предстоящего вечера, а потому пребывала в прекрасном расположении духа и была настроена поболтать.

– А где Юрка? – спросила я, только сейчас обнаружив, что с самого утра его не видела. Обычно он всегда околичивался где-нибудь поблизости от подруги, особенно если она колдовала на кухне.

– За елкой ушел, – сообщила Наталья. – Кстати, что-то долго его нет... – добавила она с легким беспокойством.

– Куда он денется... – хмыкнула я.

– Ну вообще-то ты права, конечно. Но мужики – они такие, за ними глаз да глаз нужен.

– Да брось, Наташка, ты со своим ненаглядным совсем спятила.

Я хотела было добавить сакраментальное «кому он на фиг нужен», но вовремя прикусила язык.

Наташка ничего не заподозрила. Однако, выдержав паузу, она сообщила удрученно:

– Старею я, Агния!

Я выпучила глаза и уставилась на нее в недоумении. Кто ж говорит о старости, не справив даже тридцатилетия?

– Не смотри на меня так, – предупредила Наталья. – Вот доживешь до моих лет...

– А что такого? Недолго уж осталось.

– Это тебе сейчас кажется. Я пять лет назад тоже так думала, а теперь... Представляешь, в последнее время кто-нибудь в разговоре со мной обязательно брякнет что-то вроде: «У меня среди знакомых в основном молодые, но есть и люди твоего возраста».

– Стоит ли обращать внимание на идиотов? – с улыбкой спросила я.

Но Наташке было не до смеха. Она еще раз горестно покачала головой и уткнулась носом в чашку, пробормотав убежденно:

– Замуж. Срочно надо замуж.

Я приготовилась прочесть ей лекцию о вреде браков по расчету, но мне помешал звонок, раздавшийся от входной двери. Наталья встрепенулась, убрала с лица унылое выражение, как устаревшую вывеску, заменила ее легкой улыбкой и резвым зайцем поскакала встречать ненаглядного. Я поплелась следом.

Глава 3

Первой в распахнутую дверь ввалилась роскошная, припорошенная снегом елка, заполнив все помещение терпким запахом хвои и смолы. Где-то среди густых ветвей маячила улыбающаяся физиономия гордого собой Юрика, который просто млел от наших с Наташкой восхищенных попискиваний, охов и ахов.

Юрка постарался на славу. Таких елей я давно уже не видела, настоящее рождественское дерево. Когда я говорила о Рождестве, то имела в виду Рождество католическое. Не знаю, как остальные, но я и мои друзья почему-то всегда празднуем именно эту дату – двадцать пятое декабря, так повелось с самого моего детства.

Прислонив елку к стене в углу, Юрка принялся стаскивать ботинки, с которых уже успела натечь приличная лужица. Я перехватила полный гордости взгляд Наташки, устремленный на его кудрявую макушку. Юрка поднял голову и улыбнулся ей, словно взгляд мог быть осязаемым и он его почувствовал.

– Ты где достал такую красоту? – спросила я, чтобы напомнить им о своем присутствии.

– Вы даже не представляете! – хохотнул Юрий. – Обошел три базара – елки как сквозь землю провалились. Еще вчера были, а сегодня – шаром покати, даже веточек не осталось.

– Слушайте, это же из-за указа! – ахнула Натка.

– Из-за какого указа? – удивилась я. – Елки запретили?

– Да не все елки, а только браконьерские, – пояснила подруга. – Я сама в газете читала, только совсем из головы вылетело. С этого года за каждую «неправильную» елочку штрафлагается. Здоровенный, точно помню. Комиссии созданы и все такое.

– Да, дела... – протянула я со вздохом. – Чует мое сердце, останусь я в этом году без живой елки.

– Ну, не все так плохо, не огорчайся, Агнешка, – подбодрил меня Юрик. – С двадцать восьмого официальный елочный базар откроется. Купим тебе елочку.

Я кисло улыбнулась. Знаем мы официальные базары. Там, собственно, елок и нет вовсе – только палки да сучки. Ну, еще несколько пожухлых иголок для разнообразия.

– Так как же ты елку нашел? – напомнила Натка, чтобы перевести разговор на другую тему.

– В общем, я уж и искать перестал, – признался Юра. – Хотел в магазине искусственную покупать. Вот возле магазина она мне, можно сказать, в самую последнюю минуту на глаза и попалась. Смотрю, мужичок какой-то трусит, елку волочет. Я за ним. Он меня увидел – аж присел, бедолага.

В этом месте я усмехнулась. В Юрке почти два метра роста и плечи – шире некуда, немудрено, что мужичка чуть удар не хватил, когда наш великан за ним погнался. Думал небось, что комиссия елочная до него добралась.

– Догнал я его и спрашиваю: «Где елку брал?» – продолжал рассказывать Юрка. – А он вроде как еще больше испугался, головой мотает и мычит что-то нечленораздельное. Сильно вмазал, видно, мужичок для сугреву. Насилу я понял, что елку алкаш продавать тащит, не хватило ему, наверное, утренней порции. Вот я и купил. Нравится?

Мы снова повернулись к пушистой красавице. Подтаявший снег блестел в густых иголках, точно крошечные лампочки, еловый аромат щекотал ноздри. Елочка нам, безусловно, нравилась.

Юрка поволок елку в гостиную устанавливать, а мы с подругой снова вернулись на кухню.

Когда до назначенного срока оставалось около полутора часов, мы с Натулей почти закончили. Последний штрих праздничного стола – фаршированная птичка была загружена в духовку и уже начала подрумяниваться. Можно было передохнуть. Но едва мы уселись за кухонным столом, как раздался звонок в дверь.

– Кто бы это мог быть? – удивилась Наташка, которая в этот момент разливала по чашкам заварку.

– Сиди, я открою, – вскочила я.

Наташка кивнула.

За дверью стояла совершенно незнакомая мне особа весьма странного вида.

– А где Натали? – спросила она слегка в нос, тем самым отвергая мои предположения о том, что дамочка ошиблась адресом.

– На кухне, – ответила я, нерешительно посторонившись, чтобы впустить гостью в дом. Та ужом проскользнула в прихожую, задев меня костлявым плечом и не извинившись.

При ярком свете в коридоре дамочка показалась мне еще более нелепой, чем вначале. Она была немного повыше меня ростом, с бледным заостренным личиком, выражение которого моментально нагоняло тоску. Больше всего она напоминала мышь, севшую на диету. Длинный носик, заштукатуренный изрядной порцией тонального крема, все время шевелился, как будто девица принюхивалась. Возможно, острый нюх был ей необходим, так как на этом самом носу сидели очки с довольно толстыми линзами. Несмотря на солидные диоптрии, дамочка то и дело щурила свои маленькие, острые глазки, бесцеремонно оглядывая прихожую и полностью игнорируя меня как одушевленный объект. Тусклая внешность госты с лихвой компенсировалась ее нарядом, который, в самой мягкой манере говоря, можно было назвать экстравагантным. На голове у нее высилось причудливое сооружение, похожее на шляпку двадцатых годов, из которой во все стороны торчали блестящие перья, смахивающие на петушинные, сзади у шляпки имелся шелковый бант, а спереди – вуалетка. Остальной костюмчик был под стать: поверх черного полупальто – небрежно накинутая огромная шаль с бахромой цвета свежей лососины, такого же цвета юбка подметала пол. На ногах – высокие ботинки на шнуровке в стиле обуви барышень из Института благородных девиц.

– Вы кто? – требовательно спросила мамзель.

– Я? Подруга, – отчего-то смутившись, ответила я поспешно.

Дама представляться не пожелала, а спрашивать напрямую, как она, я не решилась. Тут, на мое счастье, подоспела Наташка, которую встревожило мое долгое отсутствие.

– Инесса? – удивленно воскликнула она, появляясь в дверях и машинально вытирая руки кухонным полотенцем. – Откуда ты свалилась?

Инесса вздернула едва различимую бровь и ответила с иронией:

– Из дома, естественно. Ты мне не рада?

Особой радости на Наташкином лице я не заметила, скорее удивление и растерянность.

– Ну, проходи, – сказала подруга, стараясь казаться гостеприимной.

Не снимая обуви, Инесса величественно проплыла на кухню, оставляя на чисто вымытом линолеуме следы мокрой грязи.

– Кто она? – беззвучно шевеля губами, спросила я у Наташки, когда дамочка повернулась к нам спиной.

– Сестра. Троюродная, – так же тихо ответила подруга.

Продолжая принюхиваться, Инесса шествовала по коридору, не забывая при этом сунуть нос во все попадающиеся на ее пути двери. За одной из них она обнаружила Юрку, увлеченно занимающегося креплением ели.

– Кто этот мужчина? – мгновенно заинтересовалась Инесса.

Из ее вопроса я заключила, что видятся сестры не так уж часто. Юрий и Наташка крутят любовь уже год и, как минимум, последние полгода живут вместе.

– Мой близкий друг, Юра, – сухо представила Наташка.

Юрий, услышав наши голоса, обернулся, вежливо кивнул гостье и вернулся к прерванному занятию. Уверена, что он был не меньше нас удивлен появлением колоритной родственницы, но его добродушный нрав делал его снисходительным к любым неожиданностям.

Инесса явно не желала оставлять интересующую ее тему.

– А кто он такой, этот Юрий? – спросила она, когда мы наконец-то добрались до кухни. – В смысле, чем занимается?

– Он дизайнер интерьеров, – пояснила Наташка, в голосе которой помимо ее воли промелькнула гордость за любимого. Благоразумие заставило ее промолчать и не добавить, что Юра к тому же – один из самых модных дизайнеров нашего города.

Однако для Инессы хватило и неполной информации. Она закатила глаза и произнесла с придыханием:

– О! Творческая личность! Можно сказать, родственная душа.

– А как поживает твой муж? – попыталась Наташка сбить девицу с опасной темы.

– Ах, разве ты не в курсе? Я его оставила, – отмахнулась Инесса. – Так что теперь я в свободном поиске. Так вот, я думаю, что Юрий...

– А кем вы работаете? – перебила ее я.

– Инесса шляпница, – ответила за сестру Наташка.

Та резко повернулась с недовольным выражением на лице.

– Попрошу выражаться точнее, – фыркнула она. – Не шляпница, а модистка.

– Разве это не одно и то же? – удивилась я.

– Нет, – отрезала та недовольно. – Я создаю головные уборы, которые являются предметами искусства, а не ширпотребом. Вот, видите? – Она потрогала кончиками пальцев поля своего чудовищного головного убора.

– Ваша работа? – без труда догадалась я, стараясь не рассмеяться.

– Разумеется. Я вообще не доверяю современным модельерам. И всю одежду для себя конструирую сама. Зато какой результат! Когда я иду по улице, прохожие оборачиваются мне вслед!

«Вот этому я могла бы найти объяснение, – хмыкнула я про себя, – только Инессу мое объяснение, скорее всего, обидело бы до глубины души».

– Послушай, Инка, а чего ты притащилась-то ни с того ни с сего? – грубовато спросила Наташка, беспокойно переминаясь с ноги на ногу. Время поджимало, у нас еще осталась масса работы: накрыть стол, расставить блюда и так далее.

– Да ни за чем, – пожалала плечами Инесса. – Просто захотелось зайти, поболтать, выпить чайку...

– Может, мы перенесем это на другой раз? – с надеждой спросила подруга. – Понимаешь, у меня сегодня совсем нет времени. Должны прийти гости...

– Так это же прекрасно! – всплеснув руками, возопила Инесса. – Как раз то, что мне нужно! Мне так не хватало общества! Я чувствовала себя такой одинокой! Надеюсь, ты позволишь мне остаться и не выгонишь вон родную сестру?

– Троюродную, – мрачно поправила я нахалку.

Она в ответ полоснула меня ледяным взглядом из-под очков, но я не дрогнула.

– Ты меня выгоняешь? – трагическим шепотом воскликнула Инесса и резко вскочила на ноги. По-моему, она переигрывала, но доверчивая Наталья попала на удочку.

– Ну что ты, оставайся. Ты нам совсем не помешаешь, – заговорила она торопливо, не обращая внимания на то, как я выразительно покрутила пальцем у виска, прячась за спиной у Инессы.

Два раза повторять приглашение не пришлось. Быстренько скинув с себя шаль, пальто и шляпку и бросив их на стуле, Инесса осталась в объемном свитере песочного цвета, который, в сочетании с розовой юбкой делал ее похожей на хот-дог.

«Только горчицы не хватает», – подумала я с раздражением.

– Ну, вы тут заканчивайте, а я пойду помогу Юрию наряжать елку, – оживленно прошептала Инесса. – Ты, Наташа, отнесешь мои вещи на вешалку? – бросила она через плечо, устремляясь по коридору в направлении гостиной.

– Вот задрыга! – с чувством сказала я, сгребая со стула чужое барахло. – И как ты ее терпишь?

– А что делать? К счастью, она появляется редко.

– Зато метко, – буркнула я.

Преодолев искушение вышвырнуть воняющие резкими чужими духами шмотки на лестницу, я повесила их в шкаф в прихожей. На обратном пути, проходя мимо двери в гостиную, я услышала залиvistый смех Инессы, похожий на истеричный писк цесарки, и с досадой скривила губы.

Оставить Наташку разрываться между чокнутой сестрицей и важными гостями я не могла, хотя поначалу планировала только помочь с готовкой и вечером уйти домой. Из-за вторжения Инессы мы не успели закончить к назначенному сроку. Требовательный звонок ровно в восемь застал нас за сервировкой стола. Наташка охнула.

– Заканчивай по-быстрому. Я открою и немного придержу их, – быстро сказала я и побежала к двери. Юрка поспешил за мной.

При вторжении в дом Инессы я невольно подумала с надеждой: мол, пусть на этом все самое плохое на сегодня закончится. Но не тут-то было.

Первой вошла, или, точнее, вплыла, Диана. Женщина посмотрела сквозь меня и натянуто улыбнулась только при виде Юрия. Она была почти такого же маленького роста, как я, но как-то по-особенному прямо держала спину, отчего казалась гораздо выше, чем на самом деле. Одетая и причесанная она была безупречно, хотя внешние данные оставляли желать лучшего. Очень коротко стриженные осветленные волосы были жидковаты, черты лица мелкие, глаза – глубоко и близко посаженные, а рот так плотно сжат, что наличие губ только угадывалось. При этом макияж был наложен настолько профессионально и щедро, что я в глубине души ужаснулась тому, как выглядит эта женщина, так сказать, в натуральном виде, без художественной росписи на лице.

Отведя взгляд от Дианиного лица, я опустила глаза немного ниже и увидела сморщенную лупоглазую мордочку. И тут выяснилось, что гостей сегодня будет несколько больше, чем мы рассчитывали. Про мопса Наташка мне ничего не говорила.

– Что вы стоите? Примите у моего мужа пальто, – недовольно произнесла гостя.

Она не смотрела на меня, но я догадалась, что принять пальто должна именно я. При этих словах у Юрки вытянулось лицо, а Наташка, как раз влетевшая в коридор с преувеличенно радушной улыбкой, сильно побледнела. Возникла неловкая пауза, в которой первым сориентировался муж Дианы, Петр Сергеевич. Я уже протянула руки к его пальто, чтобы выполнить приказ Дианы, но он отступил и замахал руками, приговаривая:

– Что вы, что вы, как можно! Чтобы меня обслуживала такая прелестная фея? Вы, наверное, сестра Наташи? – спросил он, глядя на меня смеющимися глазами.

– Подруга, – выдавила я, заметив, как Диана едва заметно скривилась.

– Очень приятно, очень приятно, – прогудел Петр Сергеевич.

Отложив на тумбочку большую коробку, упакованную в нарядную вощеную бумагу, он ловко пристроил свое длинное пальто на плечики, которые подала ему Наталья. Юрий тем временем помог раздеться Диане. Конфликт оказался улаженным, и гости направились в гостиную. Впереди всех, цокая когтями по полу, семенил мопс, похожий на перекормленного поросенка, выкрашенного бежевой краской. Внезапно мопс замер, а потом и вовсе плюхнулся на толстую попку, склонив набок слишком крупную для такого маленького тела голову.

– В чем дело, Леопольд? – недовольно осведомилась его хозяйка.

Словно в ответ на ее вопрос из кухни вырвался Баська, потягиваясь после сна и щуря глаза от яркого света.

– Бог мой! У вас кошка! – взвизгнула Диана. – Немедленно уберите! О, Лео!

Она подхватила на руки отбрыкивающуюся псинку, как будто Баська был каким-нибудь монстром, а не обыкновенным, весьма дружелюбно настроенным котом.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, Диана, Баська совершенно безобидный. Он дружит с собаками.

И это была правда. Раньше у Наташи была собака, которая умерла пару лет назад от старости. Баська вырос вместе с ней и теперь относился ко всем собакам без паники. Но Диана продолжала стоять на своем, крепко вцепившись в своего Леопольда, который так и рвался на пол, чтобы продолжить знакомство с неизвестным хвостатым зверем.

Баська задрал вверх усатую морду, посморел на хозяйку и вопросительно мяукнул.

– Прости, дорогой, – пробормотала Наталья, сгребая кота в охапку и запихивая его в ванную.

Довольная собой Диана спустила мопса на пол и прошествовала в гостиную с видом королевы. Леопольд, отстав от хозяйки, потрусил к двери в туалет, сунул морду в щель и шумно втянул воздух.

– Мяу! – донеслось оттуда обиженное сопрано. Баська, для которого не существовало прежде запертых дверей, тяжело переживал несправедливость.

Я покачала головой и пошла на кухню, догадываясь, что вечер предстоит не из легких.

Прибытие остальных гостей прошло без моего участия. Сидя на кухне, я слышала доносившиеся из прихожей звонки, оживленные голоса и смех, но желания присоединиться к компании не испытывала. Через некоторое время на кухню влетела Наташка, похожая на загнанную лошадь. Ей в гостиной тоже приходилось несладко.

– Слушай, у нас остался еще один прибор? – спросила она, шаря глазами по полкам.

– Кажется, да. А что случилось?

– Оказывается, должен прийти еще кавалер Милочки. Тарелок не хватает.

– Мопсы, кавалеры... Не удивлюсь, если вторым эшелонам появятся бабушки и дедушки, – проворчала я, подавая стопку тарелок и чистые вилки.

Наташка унеслась, прихватив посуду. Я последовала за ней, чтобы собрать грязные тарелки и подготовить стол для сладкого.

В большой вообще-то комнате с приглушенным светом казалось почему-то довольно тесно и очень жарко. Елка, которая гордо возвышалась в углу, была выше всяких похвал. Юра нарядил ее в золотистой гамме, и она выглядела так, будто сошла с обложки модного журнала. Гости рассредоточились по залу, держа в руках бокалы с напитками. Миловидная рыжеволосая девушка в золотистом брючном костюме оживленно беседовала с высоким худощавым парнем. Я догадалась, что это Милочка и ее кавалер, так как второй молодой человек старался держаться поближе к Диане. Его безупречный костюм престижной фирмы и бесстрастное выражение лица не оставляли сомнений – то был Дианин секретарь, который воспринимал вечеринку всего лишь как часть своей работы. Наташка развлекала разговорами Петра Сергеевича, а Юрий как раз в этот момент склонился возле елки, пытаясь заставить загореться некстати забарахлившую гирлянду. Гости успели изрядно выпить и хорошо

закусить, о чем свидетельствовали румяные лица и блестящие глаза. Обстановка выглядела достаточно непринужденной.

На меня никто не обратил внимания. Придерживая рукой высокую стопку грязных тарелок, я потащила их на кухню, но, выходя из комнаты, краем глаза заметила сидящую на диване Инессу, которая пребывала в гордом одиночестве. Выражение ее лица мне не понравилось. На кислой физиономии родственницы я без труда прочла, что такое положение вещей ее не устраивает и она обдумывает, как бы изменить счет в свою пользу.

Только я подумала, что в таком настроении девица может выкинуть какую-нибудь гадость, как она повела носом и изрекла в полный голос, стараясь привлечь к себе внимание:

– Мне совсем не нравится атмосфера этого дома.

Разговоры на секунду смолкли. Все в изумлении уставились на Инессу, которая, добившись своего, приосанилась, стараясь придать себе загадочный вид.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Наташа, нервно комкая салфетку.

– То, что сказала, разумеется, – туманно ответила та, довольная, что стала центром внимания. – Ты ведь знаешь, у меня такая чувствительная натура. Я ощущаю биополя, которых обычные люди даже не замечают. Это как дуновение ветра, едва уловимый запах, тревожное нечто... – не на шутку разошлась Инесса.

Молодой человек из «обычных» людей, которого я определила в секретари и который показался мне довольно симпатичным, усмехнулся недоверчиво и снисходительно.

– И чем же здесь пахнет? – поинтересовался он, пытаясь перевести все в шутку. – По моему, жареной курицей и немного духами.

– Нет! – взмахнула рукой Инесса, высоко вздернув подбородок. – Здесь пахнет кладбищем! Чую могильный запах!

Тарелки в моих руках предательски дрогнули. Неприятное дребезжание в полной тишине резануло уши. Я не стала смотреть, чем все закончится, и малодушно нырнула в приоткрытую дверь, от греха подальше.

Оттащив посуду в мойку, я захотела ополоснуть лицо и с этой целью отправилась в ванную. Обиженный Баська делал вид, что спит, свернувшись клубочком на краю фаянсовой раковины. Холодная вода приятно освежила. Но не успела я закрыть кран, как в коридоре, прямо под дверью, послышались шаги и раздались голоса. Выходить было поздно, и я замерла у двери, чувствуя, что попала в глупое положение.

– Так не может больше продолжаться! – прошипел женский голос яростно. – Ты обещал, что поговоришь с ней. И что я вижу?

– А что ты видишь? – осведомился снисходительный баритон, который я сразу узнала. Голос принадлежал Петру Сергеевичу.

– А то, что ты просто вешаешь мне лапшу на уши! Ты совсем не собираешься разводиться!

– Ну, лапочка!

– Я не лапочка! Я Милочка! – сдавленно взвизгнула девушка. – Почему я должна торчать здесь, среди совершенно незнакомых людей, и наблюдать, как ты заигрываешь со всеми подряд, делая вид, что в упор меня не видишь?

– Ну, это ты преувеличиваешь, – попытался утихомирить даму сердца Петр Сергеевич.

Я почувствовала, как мои щеки заливают краска. Вот так сюрприз! Милейший муж, оказывается, имеет сердечную тайну. И я, как нарочно, теперь посвящена в нее целиком и полностью. Кто сказал: «Меньше знаешь – крепче спишь»? Не помню, кто, но сказал правильно.

– Вот что, дорогой, – продолжала между тем Милочка, – если ты не покончишь со всем этим до Нового года, то я сама расскажу Диане о наших отношениях. Предупреждаю! Ты меня знаешь!

Дальше послышался быстрый стук каблучков, хлопнула дверь. Петр Сергеевич шумно вздохнул. Вдруг я увидела, как ручка ванной поворачивается. Вцепившись в нее со своей стороны изо всех сил, я потянула дверь на себя, упершись босыми пятками в деревянный порог.

– Черт, заперто. И тут не повезло, – негромко выругались по ту сторону двери. – Как же все это неприятно. Пора что-то делать. Да, пора!

И Петр Сергеевич отошел от двери. Я слышала, как он вошел в гостиную, и, как только убедилась, что коридор пуст, поспешила убраться из ванной, ставшей для меня ловушкой. Запереть дверь на задвижку я забыла.

Глава 4

Этот проклятый поднос весил, наверное, пуда два. Красиво расставленные фарфоровые чашки и заварочный чайник казались мне неподъемными. Кое-как я преодолела половину пути между кухней и гостиной, но на второй половине почувствовала, что выдыхаюсь. Идти назад было поздно, вперед – невозможно. Оставалось только опустить поднос прямо на пол и немного передохнуть.

Только я собралась осуществить свое преступное намерение, как из гостиной выплыла Диана. Посмотрев на меня, как на насекомое, она отвернулась к зеркалу и принялась подкрашивать свои вытянутые в ниточку губы помадой. Стиснув зубы, я двинулась вперед, вцепившись дрожащими руками в поднос.

И я бы дошла. Но в эту минуту свершилось непредвиденное: Баська сумел открыть незапертую дверь в ванную и, вырвавшись из плена, стрелой метнулся мне под ноги. Слабо охнув, я выпустила из рук поднос. Он медленно накренился набок, посуда съехала к краю, а потом все это с грохотом обрушилось на пол. Во все стороны разлетелись фарфоровые черепки, но не это самое страшное! Красиво взметнувшийся вверх маленький гейзер свежесваренного крепкого чая попал точнехонько на рукав белоснежного платья Дианы, по которому моментально расплзлось коричневое пятно.

«Сейчас она меня прикончит. И будет совершенно права!» – подумала я с ужасом, представляя цену испорченного эксклюзивного платья из ангоры в долларах, так как в рублях цифра должна была быть просто астрономической. На шум из гостиной посыпались гости. Все уставились на меня и обозленную Диану, глаза которой метали громы и молнии. Я почувствовала, как мои щеки заливаются краской.

– Простите меня, – пробормотала я, обращаясь к Диане и бросаясь собирать черепки.

– Ничего страшного, сейчас быстро замоем пятно холодной водой! Ничего не останется, – бросилась на выручку Наташка. Она подхватила Диану под руку и почти силком поволокла в ванную. Игнорируя мое присутствие, Диана гордо прошествовала мимо, торжественно неся впереди себя высоко поднятую руку с обезображенным рукавом.

Я шарила руками по полу, чувствуя, что все смотрят на меня. Щеки пылали. В ту минуту мне хотелось провалиться сквозь землю, так мне было стыдно. Вдруг в поле моего зрения попали еще чьи-то руки. Руки были мужскими, очень красивой формы, краешек белоснежной рубашки, выглядывающий из-под рукава, не оставил у меня сомнений в том, кто именно решил прийти мне на помощь. Я в изумлении выглянула из-под своей челки и встретила со смеющимся взглядом серых глаз того самого парня, которого определила в Дианины секретари. Краска на моих щеках стала гуще, превратившись просто в пожар в джунглях. Остальные суетились вокруг Дианы, но тот, в чьи обязанности это входило по регламенту, отобрав у меня поднос, сидел рядом со мной на корточках и собирал с пола остатки чайного сервиза.

– Это Баська бросился мне под ноги, – непонятно зачем стала оправдываться я. – Мне так жаль.

– Ничего. Диана как-нибудь переживет потерю, – ободрил меня парень.

– Она была в ярости, – робко напомнила я.

– Она забудет об этом, – сказал он, усмехнувшись, и добавил: – Лет через сто.

Я тихо охнула, а он спросил:

– Тебя как зовут?

– Агнешка, – машинально ответила я, убирая челку со лба тыльной стороной руки. Тут я заметила его удивленно приподнятые брови и пробормотала скороговоркой: – Я знаю, это редкое имя, но моим родителям оно почему-то нравилось.

Он взъерошил свои густые, тщательно причесанные волосы, отчего стал похож на обыкновенного мальчишку, и широко улыбнулся.

– Забавное имя. – В его голосе мне послышалось одобрение. – И сама ты тоже забавная. Вся такая из себя серьезная, но все равно миленькая. Как ягненок. Агне-ешка... – протянул он, слегка склонив голову набок и глядя на меня смеющимися глазами.

Я слегка нахмурилась. Начинается... И этот туда же! Еще немного, и он начнет называть меня «милашкой». Поскольку такой поворот событий устраивал меня меньше всего, я набралась наглости и спросила:

– А тебя как зовут?

Прежде чем ответить, он пригладил рукой волосы, шутливо кивнул головой, коснувшись груди подбородком, и сообщил с широкой улыбкой:

– Андрей Горич. Прошу любить и жаловать. Тот самый парень, что подбирает с пола битую посуду.

Я засмеялась, но веселье мое продолжалось недолго.

– Андрей?! – властно донеслось откуда-то сверху. – Вы чем занимаетесь?

Андрей торопливо вскочил на ноги перед своей обозленной хозяйкой.

– Помогаю, – ответил он немного смущенно.

– Ваши обязанности заключаются в том, чтобы помогать мне, а не всем кому ни попадя, – отрезала она и, не оглядываясь, прошествовала в гостиную, уверенная, что Андрей последует за ней незамедлительно.

Она не ошиблась. Андрей так и поступил, даже не взглянув больше в мою сторону. Прикусив губу от досады, я занялась фарфоровыми черепками, бормоча про себя ругательства.

* * *

Позднее я так и не смогла вспомнить, кому принадлежала идея устроить рождественские гадания с зеркалом. Думаю, что Инессе, так как именно в ее руках я впервые увидела ту странную штуку – некое подобие старинного зеркала. Я говорю «подобие», так как назвать зеркалом кусок отполированного металла в громоздкой деревянной раме, выкрашенной коричневой краской, было бы не совсем точно. Хотя предметы оно отражало прекрасно, пожалуй, получше, чем традиционное посеребренное стекло.

Как вы понимаете, в тот момент я тоже присутствовала в гостиной. Обозлившись на Диану, упорно причислявшую меня к прислуге, я решила, что больше не стану торчать на кухне, как бедная родственница, явилась в гостиную и демонстративно уселась на диване. Наташка из солидарности примостилась рядом.

С этого момента Диана, с которой предприимчивый Юрка затеял какой-то деловой разговор, зорко следила за тем, чтобы ее секретарь не удалялся от нее более, чем на полметра. Она требовала то воды, то пирожных, то сигарету, и парень выполнял ее прихоти, как дрессированный пудель. Кстати, настоящая собачка Дианы – песик по имени Леопольд, – наоборот, полностью игнорировала хозяйку. Налопавшись деликатесов по самое не хочу, она уютно свернулась калачиком в уголке дивана и сладко похрапывала во сне.

От нечего делать я разглядывала гостей, пытаюсь разобраться в их отношениях. Случайно подслушанная тайна многое меняла, хотя, если бы я не слышала разговор Петра Сергеевича и Милочки собственными ушами, ни за что бы не догадалась, что между ними что-то есть. Милочка выглядела беззаботной, кокетничая со своим парнем, которого звали Романом. Только красные пятна, проступавшие на ее щеках сквозь толстый слой пудры, говорили о том, что она просто кипит от злости. Дело в том, что предприимчивая Инесса при появлении Петра Сергеевича сочла его более подходящей для себя кандидатурой и теперь висела

на нем, как кандалы на каторжнике. Зрелище это выглядело малопривлекательно, и некоторое время я старалась смотреть в другую сторону. А чуть позже увидела Инессу с металлическим зеркалом в руках.

Диана, которая до сих пор не покинула вечеринку только потому, что боялась простудиться из-за мокрого по локоть рукава (вот что значит чистая шерсть, синтетика бы мгновенно высохла), коршуном набросилась на диковинную вещицу. Ее чутье, мгновенно распознавшее раритет, заставило предпринимательницу на какое-то время даже позабыть об Андрее, оставив его без присмотра. Он тут же воспользовался передышкой и подошел к нам с Наташкой, намереваясь о чем-то спросить.

– Андрей! – раздалось, едва он преодолел половину пути. – Немедленно идите сюда! Это восхитительно! Я хочу, чтобы вы это увидели!

Разумеется, верный секретарь тут же поспешил на зов. Мне стало так тошно, что сразу же расхотелось оставаться в гостиной. Я потихоньку выскользнула за дверь, собираясь исчезнуть по-английски, не прощаясь.

Лучше было бы, если бы моя затея удалась. Скольких неприятностей удалось бы избежать! Но в тот момент, когда я натягивала второй сапог, в прихожую выглянул Юрий.

– Ты куда это собралась? – спросил он удивленно.

– Домой, – коротко буркнула я, пыхтя от натуги, так как наполовину сломанный замок на сапоге не желал застегиваться.

– Брось! Останься еще хоть ненадолго, там начинается самое интересное, – искренне улыбаясь, предложил Юрий.

Любопытство взяло верх над обидой, и я спросила:

– Что начинается? Будут играть в бутылочку?

Юрка засмеялся:

– Да нет. Хотят устроить гадания с зеркалом. Эта штукавина всех просто околдовала. Особенно Диану.

– Вы что, верите в гадания? – спросила я, иронически ухмыляясь.

– Конечно, нет. Мы уже вышли из этого возраста. Будет что-то вроде игры. Зеркало сейчас устанавливают в нежилой комнате. Меня послали за свечами – кажется, были где-то на кухне. А потом все по очереди будут заходить в ту комнату и через пять минут расскажут то, что они якобы увидели. Ну, историю какую-нибудь придумают.

– Это сколько ж надо выпить, чтоб такое придумать... – покачала я головой.

– Не беспокойся, полный порядок. Выпивки действительно предостаточно, и гости сейчас тепленькие. Даже Диана. Так что пусть себе веселятся.

Не знаю, почему я осталась. Сердце подсказывало, что надо поскорее убираться. Но оно же, с другой стороны, желало еще немного побыть рядом с Андреем. Чего скрывать, парень мне очень понравился, и я надеялась, что во время игры у меня появится шанс обменяться с ним телефонами.

Подходил мой черед посетить «гадательную» комнату, а мое и без того вялое желание проделать этот опыт полностью улетучилось. К настоящему моменту побывать там успели практически все. И вот странно, мне все больше казалось: что-то идет не так, как надо, хотя каждый добросовестно излагал какую-нибудь нелепую историю своих «видений». Время от времени у меня возникало такое чувство, что участники игры не столько фантазируют, сколько старательно пытаются что-то скрыть.

В данную минуту в комнате находились сразу двое: для Инессы пришлось сделать исключение, так как она вдруг заявила, что жутко боится идти одна, ее мучают дурные предчувствия и все такое. Пришлось Петру Сергеевичу составить ей компанию, к великому неудовольствию Милочки.

После довольно продолжительной паузы дверь комнаты наконец отворилась и на пороге возник смущенный Петр Сергеевич с повисшей на его руке Инессой. Усадив ее в кресло и предоставив возможность рассказывать свою историю первой, он остановился недалеко от меня, жадно припав к бутылочке с минералкой. Заметив мой любопытный взгляд, он вдруг сказал, как будто оправдываясь:

– Инночка очень испугалась.

– Думаю, с ней все будет в порядке, – усмехнулась я.

– Что?

– Хуже, что она пользуется такой яркой помадой, Петр Сергеевич, – продолжала я невозмутимо. – Что бы там ни было, вам лучше это стереть.

Он схватился рукой за правую щеку, но след помады вытереть не успел. Мимо прошла Милочка, прошипев сквозь зубы:

– Клоун.

У девушки оказалось отличное зрение. Я не хотела быть поблизости от того места, где вот-вот могла разразиться буря. Единственным путем к отступлению для меня в данной ситуации была «гадательная» комната, и я быстро юркнула туда, плотно прикрыв за собой дверь.

Свечи, поставленные перед старинным зеркалом, освещали комнату слабым мерцающим светом. Пахло старыми, отсыревшими обоями и пылью. К этому «букету» примешивался легкий аромат расплавленного воска, который слегка дурманил голову. Я вовсе не собиралась на самом деле искать в зеркале ответы и подошла ближе просто из любопытства. Поверхность металлической пластины оказалась удивительно гладкой, без единого дефекта. Несмотря на полумрак, царящий в комнате, мое отражение было необыкновенно ярким, четким и объемным, как будто сзади установили дополнительный источник освещения. Я даже невольно оглянулась, чтобы это проверить. Но позади была только темнота.

Странно...

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки, хотя в комнате было очень тепло, даже жарко. Я никак не могла отвести глаз от зеркала – оно будто притягивало меня все ближе и ближе, пока я не почувствовала, что голова начинает кружиться и я вот-вот потеряю равновесие. Мне вдруг почудилось, что если я коснусь блестящей поверхности, то она окажется жидкой и горячей, как расплавленное серебро.

С трудом заставив себя оторваться от таинственно поблескивающей поверхности, я, повернувшись к зеркалу спиной, с силой потерла глаза руками, прогоняя наваждение. Вот черт, кажется, я чересчур утомилась сегодня, мерещится неизвестно что!

Решительным шагом я направилась к выходу из комнаты. На пороге не удержалась и опасливо взглянула на зеркало через плечо. Оно было обыкновенным. Ровно горящие свечи отражались на гладкой поверхности яркими светлячками, но в этом не было ничего необычного.

– Ты почему так долго? – шепотом спросила меня Наташка, когда я вышла в гостиную, растерянно потирая виски. Моего появления никто не заметил. Играла негромкая музыка, мигала цветными огоньками елка, несколько пар танцевали в центре зала.

– Почему долго? – рассеянно спросила я, чувствуя легкий озноб.

– Тебя не было минут десять, а то и пятнадцать. Диане надоело ждать, и Юрию пришлось устроить импровизированную дискотеку, – все так же тихо пояснила подружка.

Я очень удивилась, но ничего спросить не успела, так как музыка внезапно смолкла, погасла елка, и мы очутились в полной темноте. Шторы на окнах были плотно задернуты, и темнота показалась действительно кромешной. Кто-то выругался, раздался женский вскрик, потом еще один – с противоположного конца комнаты. На пол упало что-то тяжелое, навер-

ное, опрокинули впотьмах стул или кресло, звякнул разбившийся об пол бокал. Потом все загалдели как-то сразу, перебивая и не слушая друг друга.

– Наверное, пробки перегорели, пойду посмотрю, что можно сделать, – подал голос Юрий, пытаясь перекричать общий гвалт.

Я услышала, как открылась и закрылась дверь в комнату – Юра вышел в коридор, и теперь ему предстояло на ощупь добраться до входной двери, чтобы выйти на лестничную клетку. В полной темноте это должно занять некоторое время.

Вдруг я ощутила необъяснимый страх, какое-то предчувствие надвигающейся катастрофы. «Совсем как у Инессы», – попыталась я иронизировать над собой. В самом деле, я находилась в квартире друзей, рядом переговаривались люди, а наступившая темнота была всего лишь временным явлением. Так с чего вдруг появилось ощущение кошмара, который никогда не кончится?

Словно в ответ на мои мысли вспыхнула елка, заиграла музыка, а в дверях появился Юрка, вытирающий руки какой-то тряпкой.

– Все в порядке, – сообщил он, – пробка перегорела. Нужно будет всю проводку заменить, – сказал он, обращаясь к Наташе.

Потом он щелкнул выключателем и зажег верхний свет, чтобы окончательно избавить присутствующих от неприятного впечатления, связанного с пребыванием в темноте.

Но кошмар вопреки ожиданиям не закончился. Он продолжался, потому что возле стола на полу лежала женщина, наполовину прикрытая длинной свесившейся скатертью. Это была Инесса. Поначалу я подумала, что вижу один из ее фокусов: изобразить обморок – вполне в ее стиле. Но тут вдруг дико закричала Милочка. Я посмотрела на нее. С перекошенным лицом, она одной рукой зажимала широко раскрытый рот, а другой указывала на лежащее в неловкой позе тело. Я снова перевела взгляд на Инессу и тоже не смогла удержаться от крика: из-под живота Инессы растекалась темная густая лужа. Свесившийся край скатерти быстро впитывал влагу, стремительно окрашиваясь в ярко-красный цвет.

Неожиданно стало совсем тихо. Так тихо, что я отчетливо услышала стук собственного сердца. И в этой тишине от двери раздался смущенный голос:

– Здравствуйте. Извините, что задержался.

Все вздрогнули. Наташка испуганно вскрикнула, а Милочка вдруг бросилась на шею к вошедшему парню с воплем:

– Антон! Уведи меня отсюда!

– Вы, собственно, кто? – кашлянув в кулак, спросил неизвестного Юрка.

– Это мой парень! – ответила за него Милочка. – Он должен был прийти, я же вас предупреждала!

Мы с Наташкой переглянулись.

– А кто же тогда Роман? – задала подруга вполне резонный вопрос.

– Откуда я знаю? – истерично взвизгнула Милочка. – Я думала, он ваш знакомый.

– Но ты же весь вечер с ним болтала! – удивилась я. – Мы думали, что он и есть твой друг!

– Мне-то какое дело, что вы думали? – всхлипнула девушка, намертво вцепившись в куртку слегка припозднившегося бойфренда.

Попросить разъяснений у самого Романа не представлялось возможным. Оказалось, что незваный гость, воспользовавшись темнотой, бесследно испарился. Самое ужасное, что после него остался труп. Ни у нас, ни у понаехавшей некоторое время спустя милиции не возникло сомнений, что Инессу прикончил этот непонятно откуда взявшийся человек.

Глава 5

Я малокультурное существо. Темное, необразованное, примитивное, как... как дикая обезьяна!

К такому неутешительному выводу я пришла спустя неделю после вышеописанных событий. Несмотря на прошедший Новый год, который до последней поры был моим самым любимым праздником, неделя эта показалась мне сущим адом. После трагической гибели Инессы на банкете у Наташки я совершенно перестала спать по ночам. Стоило закрыть глаза, как возникало видение ее окровавленного трупа, настолько подробное и яркое, что я с воплями просыпалась в холодном поту.

Инессу убили с невероятной жестокостью. Ей распорили живот снизу доверху остро заточенным кухонным ножом. Причем сделано это было так профессионально, что женщина умерла мгновенно. Вот такое хакари поневоле. Считать точный удар убийцы случайным совпадением было бы нелепо. Убийца прекрасно знал анатомию и ударил именно так, чтобы вызвать быструю смерть. Ошибись он хотя бы немного – и жертва могла бы выжить. Ранение в живот мучительно, но далеко не всегда смертельно. Вывод напрашивался сам собой: убийца был профессиональным врачом, только, в отличие от своих коллег, несущим смерть. Профессия – вот единственная ниточка, которая вела к таинственно исчезнувшему убийце. Насколько мы знали, были проверены все медицинские учреждения города и области, но нигде не удалось обнаружить никаких следов Романа. Впрочем, имя невесты как появившегося на банкете незваного гостя, скорее всего, было вымышленным и особых надежд не внушало.

Мои друзья, Наташка и Юрий, чувствовали себя немногим лучше меня. Обоих в последнее время мучили сильные головные боли и бессонница. Я, по крайней мере, хотя бы жила в другом месте, а они вынуждены были оставаться в квартире, где совсем недавно убили человека. Измотанные и расстроенные, они предложили мне немного отвлечься и пригласили в театр на премьеру. И вот, находясь в уютной ложе с зеркалами и мягкими креслами, я сделала свое открытие. Я – дремучая идиотка с дурной наследственностью. А как иначе назвать человека, который преспокойно уснул в самом разгаре второго акта на премьерной опере?

Эта премьера была в нашем городе настоящим событием, и все, кто причислял себя к образованной части населения, стремились попасть в театр именно сегодня. По моему мнению, зря, ведь спектакль теперь будет идти ежедневно на протяжении всего театрального сезона, так что насладиться действием можно будет хоть и попозже, но зато без премьерной суматохи и ажиотажа. Но когда в дело вступает вопрос престижа, логику задвигают в самый дальний угол сознания. В партере сидели толпы разодетых граждан, на большинстве лиц которых читалось, что до сих пор самым культурным заведением, которое они посещали, было ближайшее отделение милиции. Пока не погас свет, я с интересом наблюдала, как «меломаны» в дорогих костюмах и при подружках, увешанных бриллиантами, с кислыми лицами рассаживались на свои места.

Заметив Диану с супругом, я даже не удивилась. Они выглядели по-настоящему заинтересованными, а наряд Дианы даже издали поражал своей элегантностью. Единственное, что меня несколько обескураживало, так это выбранные ими места. По статусу Диане полагалось бы сидеть в первом ряду партера, а она скромно расположилась в одном из последних рядов, почти у самого выхода. Похоже, с билетами и в самом деле случилась большая напряженка, раз уж она удовольствовалась такими не слишком удобными местами.

Мы слушали оперу, в основу которой был положен малознакомый сюжет, уходящий корнями в далекое прошлое. Поначалу я старательно пыталась следить за развитием собы-

тий, чему сильно мешал итальянский язык, на котором изъяснялись между собой действующие лица. «Чао бамбино, синьорина», – вот все, что я знаю по-итальянски, и то благодаря навязчивой песенке группы «Блестящие». Наверное, по этой причине во втором акте я пристроила отяжелевшую от большого умственного напряжения голову на обитых бархатом перилах балкона, чтобы удобнее было слушать, а очнулась оттого, что Юрка тряс меня за плечо. Вокруг горел свет, партер аплодировал стоя, артисты заканчивали раскланиваться, прижимая к груди охапки цветов.

– Господи, какой позор! – прошептала я в раскаянии, сообразив, в чем дело.

– Не переживай! – подбодрила меня Наталья, не переставая хлопать в ладоши. – Я сама еле дослушала до конца. Такая нудятина!

Но меня продолжала мучить совесть. Эта пытка продолжалась всю дорогу, до самого выхода из театра. В толпе возле дверей Юрку окликнул какой-то знакомый, и он, извинившись, отошел, а мы с Наташкой медленно стали спускаться по обледенелым ступенькам. Ветер казался особенно холодным после теплого помещения театра и пробирал до костей, мешая мне наслаждаться прекрасным звездным небом.

Подмерзшие театралы, прибывшие на премьеру без собственного транспорта, но не без денег, спешили к стоянке такси, расположенной прямо перед Театральной площадью, остальные топтались на трамвайной остановке, особенно завистливо поглядывая на счастливых обладателей личных авто.

Удержаться на ногах в такой толчее было непросто, нас то и дело толкали со всех сторон, поэтому я не сразу среагировала на энергичные тычки своей подруги.

– Смотри-ка! – прошептала она мне прямо в ухо.

Куда смотреть, я поняла не сразу, но Наташка, когда ей что-то надо, может быть весьма настойчивой. Она не успокоилась до тех пор, пока не заставила меня обратить внимание на высокого парня, нервно переминающегося возле зеленого «БМВ» и высматривающего кого-то в плотной толпе.

Это был Андрей. Я не знала еще, к добру его появление здесь или к худу. Что уж скрывать, парень задел меня за живое. За прошедшую неделю я вспоминала о нем не раз и не два, но встреча меня не слишком порадовала. Ясно же, что он приехал, чтобы встретить свою обожаемую хозяйку после культурного мероприятия, так что лучше было бы, чтобы он меня не заметил.

Мне частенько не везет. Стоит только подумать о чем-то, как тут же происходит все наоборот. Вот и теперь Андрей не только заметил нас Натальей, но даже и узнал, махнув рукой в знак приветствия. Обрадованная Наталья немедленно поволокла меня в его сторону, еще издали шумно выражая свой восторг по поводу случайной встречи. На его лице, увы, я не заметила ответной радости. По-моему, он даже занервничал, сообразив, что Наташка намерена продолжать беседу до бесконечности.

– Извините, но подбросить вас не смогу. Это машина Дианы, и мне нужно отвезти ее домой, – наконец решился признаться Андрей.

Я поняла, что это не что иное, как вежливое предложение очистить территорию. Чувствуя, как загорелись огнем щеки, я пробормотала какие-то извинения и немедленно поволокла упирающуюся Наталью прочь.

Мне было так стыдно оттого, что Андрей может подумать, будто мы пытались ему навязаться, что я почти ничего не видела, глядя только себе под ноги. Кто-то сильно толкнул меня сзади, поскользнувшись на гололеде. Я почувствовала, как чьи-то пальцы уцепились за рукав моего пальто, и, вскрикнув, обернулась.

И остолбенела, увидев рядом с собой бледное до синевы лицо.

Я не слишком хорошо помнила эти черты, но сейчас моментально узнала толкнувшего меня человека. От страха перехватило горло, я хрипло заорала, перепугав Наталью, но она ничего не успела заметить, так как парень, нервно оглянувшись, бросился бежать.

– Что с тобой? Что случилось? – тербила меня Наталья.

Словно сквозь туман я увидела, что к нам со всех ног спешит Юрка.

– Что произошло? – встревоженно спросил он, подхватывая меня под руку.

– Не знаю. Она вдруг закричала так, будто ее режут, – пояснила Наталья.

– Я видел, что какой-то тип едва не сшиб ее с ног, а потом бросился наутек, словно за ним гнались черти. Он напугал тебя, Агнешка? – спросил Юрка, заглядывая мне в лицо блестящими глазами.

Я молча кивнула.

– Неудобно как вышло. Ору, словно оглашенная... – промямлила я. – Я не хотела.

– Да брось ты! У всех нас в последнее время нервишки пошаливают, – отмахнулся Юрка от моих извинений.

– Дело не в нервах, – мотнула я головой. – Это был Роман, я уверена...

– Не может быть... Тебе, наверное, показалось, – неуверенно произнесла Наташка после продолжительной паузы. – Я лично ничего такого не видела.

– Все произошло так быстро. Я думала, у меня сердце остановится, когда его увидела. Думала, что он хочет убить меня!

– Не болтай глупости! – сердито оборвал меня Юрий. – Вокруг тьма народу. Только псих решится на убийство в таком людном месте.

– А он и есть псих! – продолжала упираться я, размазывая по щекам слезы. – Инессу он прикончил в полной народу комнате. Господи, ну почему я? Что я ему сделала?

Я продолжала причитать до самой Юркиной машины. Никогда не думала, что могу испугаться до такой степени. Только когда Юрка запихнул меня на заднее сиденье, я немного успокоилась и затихла, сжавшись в комочек. В такой позе я просидела до самого своего дома. Юрий и Наталья проводили меня до дверей квартиры. Я бы предпочла, чтобы Юрка проверил квартиру и изнутри, но постеснялась попросить об этом.

Когда их шаги стихли на первом этаже, я, настороженно вздрагивая, обошла свое жилище, заглядывая в каждый уголок, даже если в нем мог поместиться всего лишь таракан, и только после тщательного осмотра вздохнула свободнее. В квартире я была одна, и впервые меня это радовало. Проверив дверные замки по третьему разу, я решила, что самое лучшее сейчас – принять ванну и выпить снотворное.

Идея так меня вдохновила, что я почти перестала клацать зубами и довольно бодро направилась к ванной комнате. Но тут краешком глаза уловила некую странность и озадаченно замерла посреди прихожей. Чтобы убедиться, что мне не померещилось, я осторожно повернула голову и посмотрела на вешалку, где висело мое зимнее пальто. Еще сегодня вечером, перед театром, это было старенькое пальто василькового цвета с воротником из порывевающего от времени песка. Песец, возраст и цвет пальто остались прежними, но на рукаве теперь красовалось пятно непонятного происхождения, которое его никак не красило.

– Где же меня угораздило так угваздаться? – с досадой пробормотала я, подходя ближе. Пятно следовало удалить, но у меня в данный момент не было ни сил, ни желания заниматься чисткой. Пообещав себе, что очищу пальто с утра, я без удовольствия покончила с водными процедурами, слопала двойную дозу снотворного, после чего улеглась в кровать с тайной надеждой провести наконец спокойную ночь без кошмаров.

Сон мне приснился весьма странный. Если это, конечно, был сон...

Несмотря на проглоченное снотворное, заснуть не удавалось довольно долго. Я ворочалась с боку на бок, комкала подушку, тяжело вздыхала, пыталась считать слонов, баранов и овец поочередно. И вдруг мне показалось, что потолок в комнате ожил. Он стал подраги-

вать, вибрировать, как будто на верхнем этаже расхаживал кто-то невероятно тяжелый. Свет не горел, но луна светила сквозь тюль на окне так ярко, что я отчетливо видела эту вибрацию, которая передалась уже и стенам. С опаской приложив ладонь к стене возле кровати, я почувствовала, что оклеенная обоями кирпичная кладка действительно мелко дрожит.

Когда мой старенький диван сдвинулся с места и заскользил по полу, я в ужасе спрыгнула на пол, не замечая ледяной холод застывших половиц. Мне стало страшно. Мне и раньше приходилось испытывать чувство страха – собственно, кто его не испытывал хоть однажды? – но то был обычный, нормальный, если можно так выразиться, страх – перед экзаменами, перед какой-нибудь ответственной встречей и так далее. Сейчас же меня охватил парализующий волю ужас, от которого каменели мышцы и отказывалось повиноваться собственное тело.

Бежать в моей крошечной квартире было особенно некуда, и я ринулась на кухню – просто для того, чтобы удрать подальше от елозящего по полу дивана. Когда я распахнула кухонную дверь, то сразу поняла: что-то не так.

Кухни не было. На ее месте оказалось совершенно незнакомое помещение с обшарпанными стенами, с которых свисали клочья грязных обоев. Пахло тоже как-то странно – сырым подпольем и мышинным пометом. Господи, что происходит? Дрожа, я прижалась спиной к двери, не решаясь двинуться ни назад, ни вперед. Ноги упорно подгибались, не желая держать непослушное тело в вертикальном положении. Я все еще была босиком, ступни заледенели. Передо мной клубился зловещий полумрак – только сейчас я поняла, что кухонное окно исчезло вслед за кухней, а на его месте виднеется едва различимая в темноте шаткая лестница, ведущая куда-то вверх, где, по идее, должны находиться соседи с верхнего этажа. Но сейчас их там, совершенно очевидно, не было.

На мгновение я сообразила, что весь наблюдаемый мною кошмар – всего лишь дурной сон. Я попыталась проснуться и не смогла. Меня неудержимо, несмотря на весь испытываемый ужас, тянуло подняться по лестнице. Это желание не имело ничего общего с любопытством, а было чем-то сродни неотвратимому року, требующему выполнения заданной программы во что бы то ни стало.

Ступени жалобно заскрипели под моими ногами, какой-то мусор, валяющийся на лестнице, царапал ступни, шаткие перила ходили под рукой из стороны в сторону, грозя обвалиться в любую секунду. И все-таки я поднималась. Поднималась до тех пор, пока не уперлась головой в крышку люка. Крышка откинулась от легкого нажатия и стукнулась обо что-то. Помещение, которое я увидела, было похоже на чердак, тихий, мрачный и холодный.

«Этого не может быть! – подумала я отрешенно. – Надо мной еще два жилых этажа. Неужели я схожу с ума?»

Простой вопрос, заданный самой себе, заставил мою спину покрыться капельками липкого пота, который мгновенно пропитал ночную рубашку. В какой-то отчаянной решимости я вознамерилась идти до конца и, стараясь не думать о последствиях, быстро вскарабкалась на пыльный дощатый пол чердака. Старые доски под моей тяжестью угрожающе прогибались, когда я медленно двинулась вперед, озираясь, как попавший в ловушку дикий зверек, и постоянно приседая на ватных ногах от приступов тянущего страха.

Чердак был пуст. Только в дальнем конце его обнаружилась дверь, крепко запертая. Меня трясло от озноба, сердце отчаянно стучало. Я окончательно перестала понимать, что происходит. И вдруг из-за двери раздался вскрик. Я сильно вздрогнула и, широко распахнув глаза, уставилась на дверь. Ждать пришлось недолго. Крик повторился. Теперь я понимала, что голос, зовущий на помощь, принадлежит ребенку, маленькой девочке. Ей было страшно, я чувствовала. От меня ждали помощи, и это заставило меня преодолеть свой собственный ужас. Не думая об осторожности, я бросилась к двери и принялась дергать за ручку изо всех сил.

– Эй! Не бойся! Я иду! Я помогу тебе! – кричала я громко, чтобы девочка могла меня услышать.

Но она вдруг замолчала. Стало так тихо, что у меня заложило уши, когда я это осознала. Замерев, я напряженно прислушивалась, но тщетно. И вдруг совсем рядом что-то отчетливо булькнуло. Потом еще раз. Звук был отвратительным и пугающим. Отпрянув в сторону, я взглянула на дверь и увидела, как темная, густая жидкость начала просачиваться сквозь дверные щели. Поначалу тонкие струйки сбегали вниз поодиночке, безобидными ручейками, но вскоре жидкость потекла сплошным потоком. Она хлынула на пол, пенясь и бурля. Я завизжала и отпрыгнула, когда жидкость залила мне ноги. Внезапно я поняла, что это такое. В нос ударил противный запах, от которого закружилась голова.

Это была кровь. Целый поток крови.

А потом снова раздался душераздирающий крик девочки. Она кричала теперь не переставая. Тонкий голосок визжал на очень высокой ноте, захлебываясь в бесконечном отчаянном крике, врываясь прямо в мой мозг сквозь черепную коробку. Я схватилась за голову руками, пытаюсь зажать уши, не в силах выносить этот вопль ужаса, и... проснулась.

Сон мой был настолько реальным, что, даже увидев перед собой сквозь незашторенное окно серенькое зимнее утро – вполне безобидное и обычное, – я не смогла сразу поверить в то, что ужасный чердак мне просто приснился. В углу комнаты надрывался телефон, но я сидела на постели, дыша, как загнанное животное, не в силах даже пошевелиться. Мокрая от пота рубашка прилипла к телу, и мне было холодно. Кожа покрылась пупырышками, которые я ощущала кожей ладоней, поскольку сидела, крепко обхватив себя за плечи руками. Телефон еще раз обиженно всхлипнул и затих.

– Неужели это был всего лишь ночной кошмар? – спросила я вслух и не узнала своего голоса, настолько тихо и хрипло он прозвучал. И звук собственного голоса, такого испуганного, почему-то рассмешил меня. Я нервно хохотнула.

– Всего лишь сон... – снова пробормотала я и всхлипнула.

Мой мозг отказывался поверить в счастливое избавление. Словно желая доказать себе невозможное, я откинула одеяло и придирчивым взглядом окинула свои ноги. Разумеется, они были совершенно чистыми, хотя... да, давно следовало бы обновить педикюр – бежевый лак на большом пальце правой ноги наполовину облез. Но никаких следов ночных похождений я не обнаружила. Ни соринки, прилипших к коже, ни порезов, ни, само собой, пятен крови. Однако я до сих пор чувствовала липкую влагу, которая касалась моих ступней совсем недавно. Воспоминание о кровавом потоке заставило меня содрогнуться – я отчетливо помнила мельчайшие детали своего сна.

Еще не до конца обретя уверенность в себе и в реальности всего, меня сейчас окружающего, я осторожно спустила с кровати ноги и заставила себя подойти к кухонной двери, которая, как и в моем сне, была сейчас плотно закрыта. За дверью, естественно, не оказалось ничего, кроме моей собственной кухни с покрытым клетчатой клеенкой столом, плитой, мирно урчащим холодильником и другими хорошо знакомыми предметами. Даже кастрюлька с недоеденной накануне гречневой кашей стояла на плите, как и положено.

Только теперь я по-настоящему успокоилась. Правда, приснившийся сон не давал мне покоя все утро. Никогда раньше со мной не случалось ничего подобного. Я вообще редко видела сны, а если они мне и снились, то к утру испарялись из моей головы бесследно и навсегда.

Крепкий кофе добавил мне бодрости, и я стала думать, с кем бы посоветоваться по поводу ночного происшествия. Я была так напугана и так хотела докопаться до истины, что готова была на все что угодно, даже на поход к какой-нибудь гадалке. От последнего, весьма неблагоразумного поступка, меня удержало только то, что среди моих знакомых ни одной гадалки попросту не было.

Глава 6

– Агнешка, это был всего лишь сон...

Наталья произнесла эту фразу таким ласковым тоном, что я взглянула на нее с подозрением. Так обычно разговаривают с тяжелобольными или с клиническими идиотами, а я себя пока сумасшедшей не считала. В конце концов, каждый волен видеть такие сны, какие хочет. Мой воинственный настрой, очевидно, отразился на выражении лица, так как Наташка почему-то смутилась и опустила глаза, изображая повышенную заинтересованность в количестве чайнок, плавающих по поверхности ее кружки с чаем.

– Ты считаешь, что я все придумала? – спросила я напрямик.

– Ну что ты! – как-то чересчур быстро ответила Наташка, быстро моргая длинными ресницами. – Просто тебе привиделся кошмар. А что? Обычное дело.

– То есть ты думаешь, что я спятила, – кивнула я.

– Слушай, отвяжись! – рассердилась подруга. – Ничего я не думаю. Просто забудь, и все дела – это же так просто! И вообще, давай пить чай, а то он уже совсем остыл.

Я усмехнулась.

Наташка заявила минут сорок назад, объявив, что очень за меня беспокоилась. Дескать, мое вчерашнее состояние ей не понравилось, а утром я не отвечала на телефонные звонки. Все эти сорок минут мы потратили на обсуждение моего странного сновидения, совсем позабыв об остывающем на столе чае.

Отхлебнув холодного напитка, я совершенно некстати вспомнила об испачканном рукаве пальто и собралась, чтобы сменить тему разговора, расспросить Наташку о способах сухой чистки драповых тканей, поскольку в хозяйственных вопросах моя подруга могла заткнуть за пояс любого. Правда, я подозревала, что подружка просто посоветует мне отнести пальто на помойку, чтоб не издеваться понапрасну над отслужившей свой век вещью. Она говорила об этом каждый раз, когда с пальто приключалась очередная неприятность. Только я открыла рот, чтобы попросить все-таки совета по поводу чистящих средств, как Наташка, всплеснув руками и едва не опрокинув заварочный чайник, округлив глаза, вдруг воскликнула:

– Слушай, я ж к тебе по делу!

Но она неожиданно умолкла, и в ее глазах появилось сомнение.

– По какому делу? – уточнила я, желая услышать продолжение.

– Ну, знаешь ли... я тут подумала, что... может, не стоит?

– Ничего не понимаю, – нахмурилась я. – Ты чего мычишь? Хотела мне что-то рассказать? Так говори. Думать будешь после.

– А ты хорошо себя чувствуешь? – продолжала сомневаться Наташка.

– Пока еще вполне сносно. Но если ты не прекратишь обращаться со мной, как с выжившей из ума столетней бабушкой, которая пообещала оставить тебе богатое наследство, то я выставлю тебя вон.

– Ладно, ладно! – примирительно замахала руками Наталья. – Раз уж ты злишься, значит, и в самом деле с тобой все в порядке. Ты слышала, что случилось в театре вчера вечером?

– Насколько я помню, вчера в театре был спектакль, – резонно ответила я, не вполне понимая, куда она клонит.

– А вот и нет. Вчера в театре произошло убийство! – выпалила Наташка, глядя на меня со смешанным чувством превосходства и страха. Откуда взялось второе чувство, я поняла несколько позже, когда получила возможность как следует вникнуть в только что услышанную новость.

– Убийство произошло во время спектакля? – спросила я почти машинально.

– Точно. Пока мы приобщались к мировой культуре, совсем рядом человек испускал дух в ужасных мучениях.

– Кого убили? Опять бизнесмена какого-нибудь? Они в последнее время мрут, как мухи, в самых неподходящих местах.

– Нет, – погрустнела лицом Наталья. – Их-то мне совсем не жалко. Убили молоденькую девочку. Балерину из кордебалета. С утра об этом сообщали по всем местным каналам. Я тебе потому и звонить начала в такую рань, чтобы рассказать. Жуть, правда? Бррр... – Наташка зябко передернула плечами и насупилась.

– Где ее убили? – спросила я, пытаюсь ухватить мысль, которая мельтешила у меня в голове, одновременно пугая и притягивая. Мысль оказалась верткой и в руки пока не давалась.

– Точно не скажу, но где-то внутри театра, то ли в душевой, то ли в туалете. Когда по телику шел сюжет, я обратила внимание, что стены в комнате, где обнаружили труп, выложены белым кафелем.

– Подозреваемые есть? Свидетели?

– Нет, кажется. Помещение хотя и служебное, но народу там бродит – тьма.

– И никто ничего не видел, – перебив подругу, подсказал я.

Наташка фыркнула.

– Может, кто чего и видел, – протянула она, – да только ты же не думаешь, что менты станут докладывать журналистам о своих подозрениях? В старые времена мы бы об этом убийстве вообще не узнали, по крайней мере так вот запросто, по телевизору, в качестве дополнения к утреннему кофе. Журналиги теперь так и рыщут повсюду, копаются во всяком дерьме в поисках жареного.

– Есть такое дело. Какой канал ни включи – сплошная чернуха, – подтвердила я отрешенно, продолжая думать о своем. Шустрая мысль успешно спряталась.

– Зря я тебе сказала... – посетовала Наташка, заметив мою рассеянность.

– Брось! – отмахнулась я. – Мне просто немного не по себе. Мы ведь были там, когда... когда ее убивали. И вообще, тебе не кажется, что слишком много убийств от нас поблизости?

– Всего два, – логично возразила Наташка.

– Всего? За всю мою жизнь не случилось ни одного, а тут за какие-то две недели – второй случай. Как будто нас сглазили.

– Да просто совпадение.

– Возможно, но мне все равно тошно. Верно говорят: как встретишь Рождество, так и год проведешь.

– Это про Новый год говорят. Вечно ты все путаешь, – сердито поправила меня Наталья.

– Да? Впрочем, неважно. Не нашего ума дело, верно? – решила я проявить благоразумие и тут же спросила: – Слушай, ты не могла бы мне помочь отчистить пятно?

Наташка скорчила многозначительную рожицу, но от комментариев воздержалась, сползла с табуретки и поплелась следом за мной в прихожую.

– Господи, как ты тут живешь? – вздохнула она, пытаюсь пристроиться рядом со мной возле вешалки и не снести при этом крошечный трельяж, стоящий в противоположном углу. Наташка была худой и занимала не слишком много места, просто углы у меня расположены слишком близко друг к другу.

С видом знатока подруга склонилась над испорченным рукавом и поскребла пятно пальцем.

– Кажется, это кровь, – услышала я ее удивленный голос.

Тупо глядя на подругу, я никак не могла взять в толк ее слова. Что-то опять тут было не так. Может быть, смысл слов не соответствовал тону, которым они были сказаны? Наташка,

до которой не сразу дошло истинное положение вещей, сообщила про кровь довольно спокойно, хотя и не скрывая удивления, но постепенно ее лицо начало вытягиваться, как будто кто-то потянул снизу за резиночку. Следующий вопрос Наташки заставил меня неприятно поморщиться.

– Ты правда видела вчера Романа возле театра? – извиняющимся тоном спросила она. Я кивнула, а подруга продолжила задумчивым голосом:

– Значит, он там был. И произошло убийство. И у тебя кровь на рукаве пальто. Кажется, он схватил тебя за локоть?

Я снова кивнула, уже понимая, куда она клонит.

– Слушай, я тоже схожу с ума, или то, что мне сейчас пришло в голову, правда? – поинтересовалась Наталья напряженно. Судя по выражению ее испуганных глаз, сойти с ума в данном случае было для нее предпочтительнее. Пришлось развеять ее иллюзии. – И чего он к нам привязался, этот маньяк? – недоуменно вскинула она брови.

Наташка хмурилась, но я чувствовала, что за бравадой скрывается сильный испуг.

– Может, в самом деле совпадение? – предположила я, чтобы немного ее успокоить, хотя у самой неприятно дрожали поджилки.

– Ну конечно! – прошипела Наташка, не оценив моего великодушия. – Вот просто шел человек мимо, забрел в первую попавшуюся квартиру, вкусно поел и мило провел время, а потом прикончил совершенно незнакомую тетку. В качестве благодарности за гостеприимство, так сказать.

– Ну, если бы вы запирали дверь в квартиру, то, возможно, ничего бы и не случилось.

Мой упрек прозвучал слишком жестоко. У Наташки жалобно скривились губы.

– Только не реви, – строго предупредила я.

Она в ответ выразительно шмыгнула носом. Неожиданно глаза ее недобро блеснули, она бросилась вон из прихожей и заметалась по комнате. Я с удивлением наблюдала, как она вначале подскочила к окну, потом метнулась к шкафу и опять к окну. Наконец, замерев посреди комнаты, она принялась лихорадочно оглядываться по сторонам, как будто только что потеряла сотню баксов и решила во что бы то ни стало их отыскать.

– Ты что-то ищешь? – спросила я сочувственно.

– Где этот чертов телефон?! – рявкнула в ответ Наталья.

– Вон там, под журналом на тумбочке. А зачем он тебе так срочно?

– Звонить. В милицию. Немедленно. Мы должны им рассказать о том, что случилось.

– А зачем? Думаешь, что Роман все еще бродит вокруг театра? – вяло поинтересовалась я, не разделяя ее энтузиазма. – Он же не дурак, в самом деле.

– Дурак или нет, а им нужно знать, что он имеет к убийству балерины самое прямое отношение. Ты будешь свидетелем.

– Вряд ли им это поможет, – протянула я с большим сомнением. – Помнится, они уже пытались его ловить после убийства твоей сестры. Не думаю, что в данном случае им повезет больше.

– Их везение меня не интересует, пусть делом занимаются. А тут – именно их дело! – отрезала разбушевавшаяся Наташка. – Я им сейчас такое устрою, что мало не покажется!

– Да зачем?

– А что, прикажешь ждать, когда у него дойдут руки до меня или до тебя, да?

– Ну, может, и не дойдут, – пожалала я плечами, но мое заявление прозвучало, как видно, неубедительно.

Бесцеремонно сошвырнув с тумбочки журнал, Наталья сдернула трубку и нацелилась пальцем в нужную цифру. Пластмассовый диск, тренькая, повернулся вокруг своей оси, но я, подскочив к Наташке, быстро нажала на рычажки.

Наталья утробно зарычала и попыталась сбросить мою руку.

– Не надо куда звонить, – устало сказала я, – все равно бесполезно.
– Как это бесполезно? – возмутилась Наташка моей несознательности.
– Потому что ничего нового о преступнике твой звонок не сообщит. Кто он, откуда? Где работает? Почему убивает? Ты можешь ответить на эти вопросы?

Наташка лишь возмущенно передернула плечами.

– Вот видишь? Позвонишь – и создашь нам дополнительные неприятности, а пользы – ноль.

– Какие еще неприятности? – насторожилась Наташка.

– Обыкновенные. Начнут задавать кучу вопросов, на которые у тебя нет ответов, копаться в нашем окружении. В результате станут опрашивать даже тех, с кем ты не поделила в детском садике погремушку. В итоге знакомые начнут перемывать тебе косточки с удвоенной силой, выдумывая причину, по которой тобой интересуется милиция.

– А почему ты говоришь только обо мне?

– Потому, что я в этом участвовать не собираюсь. Никакой милиции!

– Уверена, что это правильное решение?

– Абсолютно.

– И что же ты собираешься делать? Сидеть и ждать, когда наступит твоя очередь стать жертвой маньяка?

– Не факт, что он вообще до меня доберется. Не вижу мотива. Насколько мне известно, врагов у меня нет. – Я запнулась, некстати припомнив кавказца из автомобильного салона, но тут же решила, что это было бы слишком. Хотя горцы, насколько я знаю, весьма обидчивы и очень мстительны. . . – В общем, я не знаю, кто мог бы желать моей смерти настолько сильно, чтобы открыть настоящую охоту. Если бы Роман хотел убить именно меня, то мог бы еще у тебя в доме.

– Только этого мне не хватало. . . – проворчала Наталья. – Типун тебе на язык.

Я усмехнулась.

– Хотя никто не мешает нам попытаться разгадать загадку самостоятельно, – сообщила я как бы между прочим, исподтишка следя за Наташкиной реакцией.

Когда до нее дошел смысл моих слов, она неестественно рассмеялась и спросила с интересом:

– Ты спятила?

– Вроде бы нет, а что?

– Да нет, я так, просто интересуюсь, – хмыкнула подруга. Потом вдруг неожиданно схватила меня за руку, волоком протащила через всю комнату и остановилась перед зеркальной дверцей моего шифоньера. – Вот, полюбуйся! – Она ткнула пальцем в стекло.

Я даже головы не повернула, не ожидая увидеть в зеркале ничего интересного.

– Смотри, смотри! – настаивала Наталья. – Может, поумнеешь.

– Чего ты добиваешься? – возмутилась я.

– Хочу, чтобы ты полюбовалась на себя в зеркало, сыщица! – презрительно отозвалась подруга. – Может, это заставит тебя взглянуть на вещи реально.

Приходилось признать, что в чем-то подруга права. Мелковата я, чтобы играть в частного детектива. Но сдаваться мне не хотелось.

– При чем тут рост? – проворчала я, нахмурившись. – Главное, чтобы голова варила.

– Главное, чтобы голова оставалась на плечах, – передразнила меня Наташка, – а не валялась в придорожной канаве.

– Почему сразу в канаве? – обиделась я, но внутри что-то неприятно сжалось.

– В канаве! Именно в канаве окажется твоя глупая башка, если ты немедленно не выкинешь из нее весь этот бред! – провозгласила Наталья, чувствуя, что ее слова производят на меня впечатление.

Но мне идея заняться частным расследованием не казалась такой уж бредовой. Гораздо страшнее было сидеть, затаившись в ожидании очередного «совпадения». Заметив, что я замолчала, Наташка немного расслабилась, и я немедленно высвободилась из ее цепких пальцев, благоразумно отбежав подальше от зеркала.

Подругу переубедить мне не удалось, хотя о своем желании поставить в известность милицию она вроде бы позабыла. Перед уходом она взяла с меня честное слово, что я не стану вмешиваться в расследование. Естественно, я ей пообещала, не забыв скрестить за спиной пальцы. Наташка, конечно, моя лучшая подруга, но все же не папа с мамой, чтобы запретить мне заниматься тем, что я считаю нужным. Да и папе с мамой, сомневаюсь, чтобы такое удалось. Я уже большая девочка. По крайней мере в смысле возраста.

Наташка, очевидно, чуяла подвох с моей стороны, потому что сильно сокрушалась над тем, что не может остаться сторожить меня и дальше, – им с Юркой предстояло забрать заказ из салона стройматериалов, сделанный на прошлой неделе. За вожаделенными обоями с каким-то новомодным орнаментом Наташка охотилась несколько месяцев, «доставая» менеджеров магазинов полюбившейся картинкой из французского каталога. Теперь, когда уникальные обои дожидались ее на складе, а Юрка – в заранее условленном месте, Наталья не смогла устоять перед соблазном и не помчаться за вожаделенной деталью украшения интерьера. А потому была вынуждена поверить моему честному слову.

Стыдно признать, но обещание свое я нарушила сразу же, как только за Наташкой захлопнулась дверь моего подъезда. Ну какая может быть для меня опасность, если я всего лишь поговорю с теми, кто знал убитую девочку из театра? Вдруг я обнаружу что-то, о чем еще не знает милиция? Вдруг мне повезет больше, и я смогу вычислить опасного маньяка? Точно помню: в одном из любимых мной детективов говорилось, что свидетели охотнее делятся своей информацией со случайными людьми, а вовсе не с представителями закона.

Как жаль, что тогда я еще не понимала: детектив и реальная жизнь – это две большие разницы.

Глава 7

Главный вход оказался заперт, и мне пришлось обойти здание театра кругом, чтобы обнаружить неприметную дверь служебного входа.

По моим представлениям, в утренние часы в театре должно было быть тихо и малолюдно, но оказалось, что за кулисами идет весьма активная жизнь, понятная только посвященным. Поднимаясь по лестнице черного хода, я услышала льющуюся откуда-то из глубины здания музыку. Это был «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик» – одно из немногих классических произведений, которое я узнала бы в любой ситуации, хотя сейчас вальс звучал несколько необычно, отдельные фрагменты повторялись снова и снова. Очевидно, шла репетиция оркестра. На знакомую мелодию накладывались и другие – отчетливо слышалось пиликанье скрипки, которое временами заглушала бравурная музыка какого-то марша.

Направляясь сюда, я рассчитывала наткнуться на какую-нибудь словоохотливую старушку из обслуживающего персонала, глазастую и наблюдательную, из тех, что всегда все знают даже раньше, чем что-то происходит в действительности. Сплетни – лучший источник информации. Так подсказывал мне мой опыт сыщика, почерпнутый, правда, из детективных фильмов и книжек. Но, как нарочно, никаких старушек мне на пути не попадалось. Лестница была пуста, и я поднималась по ней все выше в полном одиночестве.

Глаза не сразу привыкли к полумраку просторного вестибюля второго этажа, и вначале я услышала голоса. Две молоденькие девушки негромко переговаривались возле широкого оконного проема, свет из которого делал их похожими на две нарисованные черной тушью фигурки, не позволяя различить черты лица и цвет одежды. Одна из девушек ловко взобралась на широкий подоконник, вторая продолжала о чем-то говорить вполголоса, но очень горячо и эмоционально. Я с удовольствием бы послушала, о чем они говорят, но расстояние между нами было слишком велико, и я не смогла разобрать ни слова.

Из-за одинаковых причесок – аккуратных тугих пучков высоко на затылке – девушки казались похожими друг на друга, как сестры-близнецы. Обе они обладали особой грацией, свойственной только профессиональным танцовщицам, но были все же слишком юными, чтобы я могла с уверенностью причислить их к взрослой балетной труппе. Скорее всего, передо мной были всего лишь ученицы. Это можно было считать удачей, ведь Наташка сказала, что убитая девочка занималась в хореографическом классе при театре.

– Ты, что ли, новенькая? – окликнул меня сзади капризный тонкий голосок. Засмотревшись на двух юных балерин, я не услышала, как ко мне подошла еще одна девушка. Она выглядела еще более хрупкой, чем те две, у окна, и была похожа на голодающего кузнечика. Стянутые на затылке блестящие волосы плотно прилегали к голове, кожа на заостренном большезлазом личике показалась мне чересчур бледной. Весь вид девушки почему-то вызвал у меня чувство жалости.

– Ты ко мне обращаешься? – спросила я слегка растерянно.

Девочка усмехнулась слегка презрительно и повторила намеренно громко:

– Тебя прислали вместо Мейзель?

– А кто такая Мейзель?

Вопрос уронил мой рейтинг в глазах юной балерины еще на несколько пунктов.

– Ах да, – проговорила она с легкой досадой, – откуда тебе знать о Лие. – Она смерила меня скептическим взглядом с ног до головы и протянула: – И где тебя только откопали?

– В каком смысле?

– Ты что, совсем тупая? Из какого ты училища, спрашиваю? – резко сказала девочка.

Ее тон задел меня за живое. Я заметила, что девушки возле окна замолчали и теперь с интересом следили за нашим разговором.

– Похоже, у тебя проблемы с весом, – тем временем продолжала девица.

Отступив на шаг в сторону, она склонила набок голову и прищурила один глаз. Не успела я опомниться, как она подскочила ко мне и принялась ловко расстегивать пуговицы на моем пальто. Я оцепенела. Быстро справившись с застежкой, эта ненормальная распахнула полы пальто, придерживая его двумя пальчиками. Странно, но от ее взгляда я почувствовала себя голый в мужской бане, хотя, естественно, была полностью одета.

– Так и есть, – констатировала девица насмешливо, – с такой задницей ты не сможешь танцевать как минимум неделю. Элла Фердинандовна посадит тебя на шпинат и минералку. Шпинат и минералка меня доконали. Я разозлилась.

– А ну брысь! – рявкнула я, выдергивая свое пальто у нее из рук. – Кто тебе сказал, что меня интересует ваша Элла Фердинандовна? И вообще, кто дал тебе право так разговаривать со старшими? С этой минуты – только на «вы» и на полтона ниже. Ясно?!

– Ой! – От неожиданности девочка даже присела. – Так вы не из наших?

– Не из ваших.

– Простите, я не знала, – пискнула она и, неожиданно резко развернувшись, бросилась прочь, высоко вскидывая худенькие оленьи ножки.

Наблюдая за ее поспешным бегством, я уже жалела, что не сдержалась. Кто же мог подумать, что балерины такие впечатлительные? Я обернулась к окну в полной уверенности, что и две другие наяды поспешили скрыться, но они по-прежнему были там.

Когда я подошла ближе, сидевшая на подоконнике легко и бесшумно спрыгнула на пол, машинально отряхнув подол коротенькой клетчатой юбки. Вблизи девочки оказались совсем разными. Одна – та, что в юбке, – была настоящей красавицей и прекрасно знала об этом. Красота ее была очень эффектной, если кому-то нравится такой тип красоты – вкрадчивой и немного кошачьей. Подружка на ее фоне явно проигрывала. Нет, она тоже была хорошенькой. Единственное, что ее портило, – прыщи на лбу и подбородке. Кроме того, девушка легко и густо краснела, когда смущалась, покрываясь неровными болезненными пятнами.

– Здравствуйте, – улыбнулась я.

Мне ответили вежливо, но сдержанно. Я сразу расстроилась, уже не ожидая теплого приема, но тут вторая девочка, одетая в обтягивающий вязаный свитерок, усмехнулась:

– Здорово вы Алиску отделали.

– Да я в общем-то не нарочно, – смутилась я, – нехорошо получилось.

– Глупости! Она сама нарывалась. Вечно бросается на людей как оглашенная, – хмыкнула девочка.

– Я лично сразу поняла, что вы не из балетных, – поддержала ее подружка.

– Потому что у меня толстая попа? – с понимающим видом спросила я.

Девочки захихикали.

– Да не в этом дело. Даже не знаю, как объяснить. Вы другая. Не из наших. Это видно.

Я понимала, что она имела в виду. Походка, движения, прическа и по-особому выпрямленная спина – все это мелочи, которые сразу же схватывает наметанный глаз. Любая профессия накладывает на человека свой отпечаток. Врач, продавщица, учитель – все они имеют свои особые черточки, свойственные людям только их профессии. Что уж говорить о балете с его особым, камерным миром.

– Мне кажется, вы из милиции, – заявила вдруг одна из девочек, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

– С чего ты взяла?

– А со вчерашнего дня у нас тут все посторонние – из милиции. Ходят, спрашивают. Вы тоже вопросы задавать будете?

– А что, нельзя?

– Да что уж там, спрашивайте. Только надоело, – пожала она плечами.

– Вообще-то я не из милиции. Хотя меня интересует именно вчерашнее убийство, – призналась я. – Хотелось бы разобраться.

– Все ясно. Ментам не доверяете, – понимающе хмыкнула девочка. – Вы Лие кто? Родственница?

– Нет. Скорее друг семьи, – соврала я и почувствовала, что краснею. Но девочки не обратили на мое смущение никакого внимания.

– Меня Юля зовут, – представилась девочка в клетчатой юбке.

– А меня – Сима, – назвалась ее подружка.

– Очень приятно. Я – Агния.

Девочки переглянулись.

– Что, взаправду – Агния? – спросила Юля с интересом. Сима ткнула ее в бок локтем.

– Взаправду. Могу паспорт показать, – улыбнулась я, давно привыкнув к тому, что люди не сразу воспринимают мое редкое имя.

– О чем вы хотели спросить, Агния? – Сима из вежливости не хотела продолжать дискуссию о моем имени.

А я вдруг поняла, что совершенно не готова к тому, чтобы задавать вопросы. Я так рассчитывала на болтливую старушку, что не наметила для себя даже приблизительного плана разговора на интересующую меня тему. О чем я должна спросить этих подростков, чтобы докопаться до истины? Девчонки всем своим видом выражали готовность говорить правду, только правду, и одну только правду, но какое-то неуловимое выражение их чересчур честных глаз заставляло меня сомневаться в том, что так оно и будет на самом деле. Слишком уж старались они выглядеть паиньками. И слегка переигрывали.

– Первым делом хотелось бы взглянуть на место, где все произошло, – начала я. – Это возможно?

– Нет. Душевую заперли, и туда никак не попасть, – ответила Юля. Она обернулась и махнула рукой в сторону обшарпанной двери в самом конце коридора. – Вон она, видите? Возле малого репетиционного зала.

– А что говорят те, кто видел вчера все своими глазами?

– Мы и сами видели, – пожалала плечиками Сима. – У нас занятия во вторую смену.

– Кровищи было – ужас! – шепотом сообщила Юля, глядя на меня округлившимися от возбуждения глазами. – Целое озеро!

– Ты и тело видела? – ужаснулась я.

– Ага. И Сима тоже.

– Мы первыми из танцкласса выскочили, когда тетя Глаша завопила.

– Да уж, вопила она, как пожарная сирена, – подтвердила Юля, – даже стены дрожали.

«Эх, мне бы эту тетю Глашу!» – с сожалением подумала я, чувствуя, что она-то и есть тот самый источник информации, который мне необходим.

– А где она? – спросила я с надеждой.

– Тетя Глаша? В больнице. У нее от увиденного с сердцем плохо стало. Ее на «Скорой» увезли, – охотно объяснила Юля.

Очевидно, шок от пережитого уже успел смениться для них на не слишком стыдливое возбуждение, которое обычно следует за трагедией, если эта трагедия произошла с кем-то другим.

– У технички – инсульт, – авторитетно добавила Сима.

– Неудивительно. Я так вообще чуть в обморок не хлопнулась, когда Лийку с выпущенными кишками на полу увидела.

– А мне она показалась какой-то невзаправдашной. Как будто это и не Лия вовсе, а вроде как кукла. Нельзя же живого человека вот так взять и изуродовать.

Тихие слова Симы заставили меня содрогнуться.

– Лия лежала ногами под лавкой, – точно загипнотизированная страшными воспоминаниями, продолжала говорить девочка, – в луже крови. И на стенах тоже была кровь, как будто она хваталась за нее руками. А на зеркале – такая широкая длинная полоса. Рядом валялись ее вещи – пальто, шапочка. Блузка разодрана в клочья, а на животе эта страшная рана...

Я увидела, как глаза Симы наполнились слезами. Девочка сильно побледнела. Юля нервно облизнула пересохшие губы, пряча за ресницами испуганный взгляд. Сейчас из-за бледности прыщи на ее лбу и вокруг рта выделялись особенно ярко.

– У нее еще груди не было, – еле слышно произнесла она.

Сима кивнула.

– Юлька имеет в виду, что на месте груди у Лии была дырка. Аккуратная такая, круглая.

Я и сама была не рада, что затеяла этот разговор. К горлу подкатил комок. Чтобы не упасть, пришлось уцепиться рукой за подоконник. Услышав о вспоротом животе, я больше не сомневалась – здесь орудовал тот же, кто прикончил Инессу. Господи, куда же я ввязалась?

– Вам плохо?

Встревоженный Юлин голос долетел до меня откуда-то издалека, словно через плотный слой ваты.

– Нет-нет, все в порядке, – поспешила я успокоить перепуганных девчонок. – Просто я не думала, что все на самом деле так ужасно.

– Ужасно. Лийке же всего тринадцать исполнилось. Она считалась очень талан...

Договорить Юля не успела. Скрипнула дверь, и по коридору разнесся такой же скрипуче-визгливый женский голос:

– Мамонтова, Денисова! Вам что, приглашение особое требуется? Марш в раздевалку, бездельницы!

Сухопарая дама, похожая на злую шуку, даже не удосужилась проследить, будет ли выполнен ее приказ. Очевидно, послушаться ее решались тут немногие. Круто повернувшись к нам спиной, она, чеканя шаг, удалилась в противоположном направлении. Даже спина ее, плотно обтянутая черным шелком старомодного платья, выглядела угрожающе.

– Вот мымра... – пробормотала Сима. – Пошли быстрее, а то будет разорваться до самого вечера, – окликнула она свою подружку.

Юля лишь дернула плечом в ответ.

– Ты иди. Я сейчас.

– Ты чего? Нарвешься.

– Да пошла она! – с неожиданной злостью огрызнулась девочка. И, недобро усмехнувшись, добавила: – Не бойся, ничего она мне не сделает.

Многозначительный взгляд, предназначенный подружке, который я успела перехватить, остался для меня загадкой. Юля определенно на что-то намекала и, если интуиция меня не обманывала, намекала на какую-то тайную связь между ней и преподавательницей. Мне очень захотелось понять, какого рода эта связь и не имеет ли она отношения к убийству, но спросить напрямую я не решилась.

Сима, неловко со мной попрощавшись, убежала в танцкласс. Юля, как мне показалось, вздохнула с облегчением. Некоторое время она молчала, постукивая носком туфельки по полу и прислонившись спиной к подоконнику. Утопленное в толстой стене окно хотя и было большим, но пропускало внутрь слишком мало света, чтобы я могла как следует сейчас рассмотреть выражение лица девушки. Ее молчание меня беспокоило, и я попыталась возобновить разговор, спросив:

– Ты была подругой Лии Мейзель?

Юля взглянула на меня так, словно уже успела забыть о моем присутствии, и покачала головой:

– Да нет. Можно сказать, что я ее едва знала. Просто занимались в одном классе – и все.
– Значит, предположить, кто мог желать ее смерти, ты не можешь?

– В том-то и дело, что никто. Не могу сказать, что она была всеобщей любимицей, но врагов у нее не было. По крайней мере, среди наших.

Я отметила про себя эту оговорку – Юля как будто допускала, что враги у Лии все же были, но не из числа учениц, – и попыталась зайти с другой стороны, произнеся задумчиво:

– Странно, что Лия оказалась именно в душевой, да еще в верхней одежде, в то время как занятия в классе уже шли полным ходом.

– Мне кажется, она не собиралась на занятия.

– Но ведь она пришла? Зачем? И откуда ты знаешь, что она в класс не собиралась?

– Я ее видела, – просто ответила Юля.

Я нутром почувствовала, что сейчас наконец услышу что-то важное. И не ошиблась. Юля вдруг быстро, на одном дыхании выпалила:

– Я его видела.

– Кого?

– Убийцу. Я опоздала. Очень торопилась, поднимаясь по черной лестнице, и столкнулась с ним практически нос к носу.

Потрясенная, я попыталась скрыть удивление и сказала как можно спокойнее:

– Почему ты решила, что встреченный тобой человек – убийца?

– Знаю – и все. Он попался мне навстречу возле вертушки. Я с ним поздоровалась, но не потому, что знала, кто он такой, а просто у нас так принято. В этой части театра чужих бывает мало. В основном – рабочие сцены, декораторы, гастролеры. Всех в лицо не упомнишь, вот мы и здороваемся со всеми подряд, чтобы никого не обидеть. Традиция. Мужик этот мне ответил и стал спускаться вниз. Но что-то мне в нем не понравилось. Вместо того чтобы идти в класс, я поднялась выше по лестнице и стала наблюдать за ним сверху. Так вот, он сначала продолжал спускаться, а потом вдруг развернулся и снова пошел наверх. Я перепугалась, думала, что он меня заметил, но он зашел на второй этаж, то есть – сюда.

– Ты запомнила, как он выглядел? Описать можешь? – взволнованно спросила я.

– Да нет, пожалуй. В нем не было ничего особенного. Одет, правда, хорошо, солидно. Но здесь многие так одеваются. Рост тоже определить не могу, мы же с ним на лестнице встретились – он спускался, я поднималась, – а разглядывать его было неудобно.

– А лицо? Лицо ты запомнила?

– Я его вообще не разглядела, – виновато покачала головой Юля. – Сейчас мне кажется, что он специально отвернулся в сторону, когда проходил мимо. А на лестнице, ко всему прочему, темно было. Лампочка перегорела, так что свет падал только из открытых дверей вестибюля. Ногу, конечно, не свернешь, но и только.

Я с трудом скрыла разочарование. Надо же, живой свидетель и какая-то паршивая перегоревшая лампочка. Но у меня еще оставались вопросы.

– Мне все-таки непонятно, почему ты так уверенно говоришь, что этот человек – убийца? – проговорила я с сомнением, рассчитывая получить от Юли объяснение. И я его получила.

– От него воняло, – брезгливо поморщившись, ответила она. – Понимаете: цивильный костюм, все такое и... этот запах.

– Что за запах?

– Мерзкий такой, тошнотворный. Вроде как от гнилых овощей. Или от плесени. Отвратительный запах. Меня чуть не стошнило, – попыталась объяснить девочка, не переставая морщить нос.

Я тоже поморщилась и почесала затылок, не представляя, каким образом этот странный факт может мне пригодиться в дальнейшем. Запах – все-таки не улика. И потом, я же не собака-ищейка, чтобы в дальнейшем обнюхивать всех подозреваемых.

– Ну хорошо, – вздохнула я, – с этим все ясно, но ты так и не объяснила мне, почему тебе показалось, что Лия пришла в театр вовсе не для того, чтобы отправиться на занятия. Она что, часто так поступала?

– Еще чего! Мейзель была старательная. Просто, пока я отсиживалась на верхней площадке, я кое-что услышала. Лия, голос которой я узнала, поздоровалась с кем-то, и я сразу поняла, что с тем самым типом – он как раз вошел на второй этаж. Я начала спускаться и слышала, как он расспрашивал ее о чем-то. Кажется, спросил, что она делает в коридоре. Она ответила, что ждет одного человека. А он заявил, что должен ей сообщить нечто важное. Поскольку я уже была внизу, то не удержалась и посмотрела на них сквозь щелку в двери. Он стоял ко мне спиной, а вот у Лийки лицо было... какое-то странное...

Она замолчала, припоминая.

– Почему странное? – поторопила ее я.

Юля наморщила лоб, пытаясь подобрать правильные слова для того, чтобы передать свое впечатление.

– Сразу и не объяснишь. Вроде бы немного испуганное, но и сердитое в то же время. Как будто она собралась нахамить этому человеку.

– Так испуганная она была или сердитая? Все-таки это разные вещи.

– Сердитая, наверное.

– А дальше что произошло?

– Не знаю. Он вдруг неожиданно обернулся. Я испугалась, что он заметит, как я подглядываю, и мухой взлетела на этаж выше, там и просидела какое-то время. А когда спустилась, их уже не было. Вниз ни один из них не спускался, это я точно знаю. Наверное, они уже были в душевой. Хотя понятия не имею, как Лия согласилась туда пойти? Тогда думать мне было некогда, я жутко опаздывала, а через некоторое время все началось. В смысле, вопли тети Глаши и все такое.

Я взглянула на часы – без четверти одиннадцать. Мы проговорили почти полчаса. Щука в черном платье так и не появилась, но могла возникнуть в коридоре в любую минуту, разговор нужно было сворачивать, чтобы не подставлять девочку. И все же я медлила.

– Тебя не удивило, что вы, находясь на том же этаже, где произошло преступление, не слышали криков Лии? Она ведь наверняка звала на помощь!

– Ничего странного, – пожалала плечами Юля. – В классе всюю гремит рояль, да и стены толстые. Вот вы сейчас слышите, как играет Инга Павловна?

Я добросовестно прислушалась, но ничего не услышала, как ни старалась. Пришлось признаться в этом Юле.

– Вот видите! – улыбнулась девочка. – А она лупит по клавишам будь здоров, оглохнуть можно.

– А другие? Вон здесь сколько кабинетов.

– В этот час на этаже, кроме нас, никого. Все свои на спектакле, а арендаторов из училища после пяти разгоняют.

Получалось, что преступник весьма удачно выбрал место и время. Случайное совпадение или он знал наверняка? Сейчас у меня не было времени, чтобы обдумать эту интересную мысль как следует, я заметила, что Юля начала нервничать, то и дело поглядывая в дальний конец коридора.

– Извини, я тебя задерживаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.